

Дмитрий Михайлович Володихин
Конкистадор
Серия «Мир Лабиринта», книга 8

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120768
Конкистадор: АСТ, ВЗОИ; М.: 2004
ISBN 5-17-024019-8, 5-9602-0359-6

Аннотация

Терра-2.

Планета земного типа, страдающая от перенаселения. Планета, на котором человечеству уже стало тесно... а это значит – пора искать себе «новый дом»!

Но на каждую идеально подходящую для жизни планету претендует не только Терра-2, но и еще девять колоний...

Правила просты – победитель получает все!

Требований – всего три:

Найти планету,

Основать колонию,

Выбить конкурентов...

Офицер космического флота Терры-2 Виктор Сомов и его поисковая эскадра начинают действовать...

Содержание

Глава 0	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Часть 2	34
Глава 1	34
Глава 2	41
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дмитрий Володихин

Конкистадор¹

Тактический роман

Моей стране посвящается.

*...И кажется, в мире, как прежде, есть страны,
Куда не вступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.*

*С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»*

*И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!*

Николай Гумилев

*В полночный век
Наступит время —
Из пепла снов
Восстанет племя.
О, наше племя —
Лихие люди!
Венец победы
Себе добудем.
В бою удалом
Мы вырвем славу,
Нам громы пушек
Всегда по нраву.*

*Нам воздух битвы
Милей салона,
Ветра дорог,
Набатов звоны!*

*Стон колокольный
Зовет нас в строй,
Струна рассвета
И в сердце зной.
Фаланга сильных
Шагнет из мрака.
Ударим вместе!
Уйдем без страха!
Мы быстро гибнем...*

*Вот нас уж нет.
Пусть над могилой
Звучит сонет.*

Глава 0

Четырнадцать лет без войны

14 декабря 2140 года.

Орбита Фальстафа, система звезды Солетты.

Виктор Сомов, 44 года.

1-крейсерская эскадра Независимого государства Терра легла на боевой курс. Командор Виктор Сомов держал штандарт на линейном крейсере «Гангут».

По штату в 1-ю эскадру входили три флотилии: две ударных и одна поддержки. Флотилия поддержки состояла из крейсерской базы, корабля-дока, двух скоростных транспортов, корвета разведки, лидер-корвета и восьми корветов сопровождения. В первую ударную вошли «ветераны»: броненосные крейсера «Синоп», «Реконкиста», «Сталинград» и «Грюнвальд»; только флагман был у них относительно современный – линейный крейсер «Бенито Перес Гальдос». Вторую ударную вел сам командор на «Гангуте». В нее входили новенькие, только что с верфи, броненосные крейсера «Перон», «Магельяш», «Запорожская сечь» и «Святая Троица». Серия «Гранд-1М». Такие обводы, что любясь, можно им сердце свое отдать, как какой-нибудь совершенной красавице...

– Командор Сомов! Вызываю командора Сомова!

– Слушает Сомов.

– Капитан 2-го ранга Сайко, разведкорвет «Сан-Хуан». Вижу цель. Цель групповая, состав восемь.

– Передать флагманскому артиллеристу для сопровождения.

– Есть передать флагманскому артиллеристу для сопровождения!

«...Ну, голубчики, собралась вся компания, ни один не вышел в самостоятельный рейд. А то были бы лишние хлопоты...»

В сущности, он, Виктор Сомов, сделал все, что умел, да и, в общем, все, что необходимо было для такого случая. Тактически давно предсказанная ситуация: прорыв «волчьей стаи», то бишь относительно небольшого, но мобильного отряда через периферийный Объект Перехода, бомбардировка «скорым изгоном», десант, захват «слабого звена», то есть отдаленной и умеренно укрепленной базы, ожидание основных сил... Очень простой сценарий. Поистине лакомый кусочек. Нужно только правильно определить после прорыва: в каком месте и какими силами встретить гостей. А в системе Солетты, – солнышка для землеподобной планеты Терра-2 – есть только одно по-настоящему слабое звено. Это планета Фальстаф, колонизированная на скорую руку, небрежно охраняемая, укрепленная фортом, находящимся в состоянии вечной реконструкции. А что? И не такое дело запускали в надежде на терранский авось...

Сайко и флагарт, капитан 1-го ранга Максим Оганесян, перебрасывались короткими репликами. Оганесян:

– Господин командор, одиннадцать минут до зоны огневого контакта.

Кто бы это мог быть? «Буйные»? В смысле, новые арабы, вооруженные силы Аравийской лиги? «Буйными» Сомов называл их когда-то... в ту пору шла война, и о той давней войне он почти все успел позабыть.

Последняя война командора закончилась четырнадцать лет назад. С тех пор он – мирный военный... если не считать пары мелких эпизодов, конечно...

Нет, не «буйные». Ба! Этих-то какими судьбами сюда занесло? Вот уж кого не ждали... Независимое государство Нью-Скотленд, по-старому, Терра-8. Лучшие во Внеземелье технологи. Что им делить с Террой-2? Какого ляда? Впрочем, говорят, у них там перенаселение... У кого только нет сейчас перенаселения!

– Конфигурация «реверс».

Эту тактику он *работал* вот уже четыре года. Капитаны крейсеров отрапортовали и начали перестраиваться. Полусфера, выгнутая в сторону, противоположную неприятельским линейным силам; по самой кромке – корабли с сильнейшей артиллерией; в центре – с более слабой; концентрация огня на заранее определенных целях; перенос огня... второй перенос огня... перестроение «линза»...

Нью-Скотленд, стало быть. Серьезный противник. Два эскадренных броненосца, три крейсера, три... сам черт не разберет чего, но, в сущности, мелочь, не играет особой роли. Преимущество явно оставались за ним, Сомовым.

Зуммер.

Огневой контакт.

Противник шел на сближение двумя квадратами, которые двигались по расходящимся траекториям. Один из них должен был насквозь пройти медузоподобное тело «реверса» в самом центре (и это верная гибель), а второй – лишь задеть его по касательной. «Волчья стая» жертвовала слабыми, ради того, чтобы дать остальным шанс на спасение. Призрачный шанс. Командор рассчитал точно: либо четверка беглецов доберется до ближайшего ОП'а и покинет систему Терры-2, что его вполне устраивало, либо он успеет развернуть флотилию и во второй раз напасть на новых шотландцев, прежде чем они нанесут своей бомбардировкой сколько-нибудь серьезный урон Фальстафу. Оставался, правда, еще один вариант, крайне маловероятный, но... в сущности ничего невозможного. Остаток «волчьей стаи» наносит по Фальстафу удар ОМП и стирает форт как ненужный файл, а заодно превращает в прах освоенную терранцами часть планетоида... В этом случае вся операция превращается в бессмыслицу. Есть такое понятие в космополитике: ТНЖ – территория непригодная для жизни. И всей ТНЖ, сколько бы ее ни было, грош цена. В отличие от ТПЖ – территории, пригодной для жизни, которая ценится необыкновенно дорого. Чуть ли не горсть почвы за горсть золотого песка... Так что недвижимость противника в современной войне оберегают пуще зеницы ока. Убей ее, отрави ее, уничтожь ее, а потом сочти: сколько ты потратил на ведение войны, от которой нет никакой прибыли? Счел? А теперь отучись уничтожать и научись *захватывать*.

Все шло по сомовскому сценарию. Флотилия новых шотландцев честно пожертвовала эскадренным броненосцем и тремя... не разбери чем. Жертва принята. Со вторым квадратом терранские крейсера для порядка обменялись несколькими залпами и... отпустили. Чудовищная же туша броненосца долго подвергалась батоннаде. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Да что за околесица! Мальки, эскортировавшие лидера, давно просигналили сдачу на милость победителя. А этот... этот все еще ведет огонь. Излучатели, гравитационные конденсаторы и ракеты превратили металлическую плоть корабля в невообразимое месиво, но он отстреливался, отстреливался, отстреливался...

«Гибель, хотя и геройская, но бессмысленная. К чему было разыгрывать весь этот спектакль?»

На двадцать шестой минуте развалина прекратила сопротивление и начала медленно распадаться. Остов... то есть самый крупный фрагмент... проплыл совсем недалеко от «Гангута». Сомов увидел его на экране телеоптического визира. Что-то знакомое... Странно. Что-то очень знакомое. Он никак не мог вспомнить, но ощущение узнавания не отпускало его.

Офицер связи оторвал его от бессмысленного созерцания обломка.

– Виктор Максимович, вас. Результаты.

– Слушает командор Сомов.

– Это посредник, контр-адмирал Рябинина. Поздравляю вас, господин командор. Искренне поздравляю. Третья эскадра упустила «волчью стаю», а Четвертая и Шестая хуже отстрелялись в аналогичной ситуации. Так что ваш результат превосходит все прочие.

– Служу отечеству.

– Отбой, командор.

Последние два года учения шли пачками, ударный флот не вылезал из глубоких рейдов. Все, кто служил на крейсерских эскадрах – прежде всего, на крейсерских эскадрах, потому что именно они составляют ядро «ударников» – на своей шкуре чувствовали приближение крупных неприятностей. Ну и их жены, разумеется...

– Максим Хоренович, – обратился Сомов к флагарту, – увеличь-ка ты мне изображение условного противника. Кусочек покрупнее. Этот. Вот-вот... да.

– Достаточно?

– Еще. Еще немножко. Хорошо. Оставь, как есть.

Командующий эскадрой взгляделся в обломок корабля-мишени, упорно изображавшего условный ответный огонь и совсем не условно уничтоженного.

– Боже ты мой... Он самый.

– Виктор Максимович?

– Ничего. Все в порядке. Все в порядке...

Как же давно это было! Двадцать один год назад.

Никогда, ни при каких обстоятельствах он не забудет одну дату. Умирать будет, так припомнит ее в смертном бреду, наверное... 1 июня 2118 года, орбитальная верфь Русского сектора. Первые ходовые испытания военного транспорта «Былина», первого в серии, первого по объему перевозимых грузов среди всех кораблей Терры-2, первого... да много по каким характеристикам первого. А главное, первого корабля, самостоятельно доведенного до ходовых тестов инженер-корабелом Виктором Сомовым. Он был счастлив тогда, как только может быть счастлив мальчишка, которого *дело* только что превратило в мужчину.

Двадцать два года спустя командор Сомов наблюдал обломок старой «Былины», разбитой в щепы арткомплексами его эскадры.

Часть 1

Миссия и заложники

Глава 1

Жена командора

18 декабря 2140 года.

Терра-2, Синие Холмы, пригород Ольгиополя.

Екатерина Сомова, возраст имеет значение.

...да чего ради? Ей приличествуют спокойствие, уверенность, ну и, быть может, мечтательное настроение. Чего же ради она влезла по самые уши в информпрограмму «Наша семейная хроника, год 2139-й» и вдвое дольше останавливается на курортных сценах, чем на каких-нибудь других? Не потому ли, что Виктор... что-о... тело... Виктора... обнажено несколько больше, нежели... Да чушь собачья. Ей пятьдесят лет, у нее двое детей, докторская степень по истории, независимый характер, и еще она в браке вот уже... мерзавец Витька недавно брякнул, что будто бы пятнадцать... отчего мужчины никак не могут запомнить раз навсегда, *сколько именно* лет назад они обзавелись любимыми женами? Спасибо, помнит хотя бы день свадьбы и день, когда они были близки в первый раз... Господи, оборони его от любых напастей! Господи, пусть он будет здоров! Господи...

Екатерина Сомова очень хорошо чувствовала одну тонкую вещь: сколько лет прошло, а они все еще сдают экзамен на звание достойного супруга/супруги. В смысле, достойного того дара, которым наделили их свыше невесть за какие заслуги. Ей даровали Виктора, Виктору даровали ее... Она застыла перед экраном инфоскона, обратясь мыслями к тем беспечным временам, когда они еще не успели затеять первого ребенка... и... и... да чего ради она опять съехала на ту роскошную сцену у его дяди на плантации, посреди пятнистых подсолнухов... чего ради? Скажите, люди добрые! Ужели она не солидная матрона? Ужели их с командором пламя не должно было... ну... не то чтобы гореть послабее... тут она не согласна... но... как-то... стать самую малость поцивилизованнее. Вот ведь напасть какая! Иногда – уютный огонек в домашнем очаге, все как у людей; а то как полыхнет наподобие жуткого степного пожара, от которого на своих двоих ни за что не уйти...

Он отправил ей сообщение с военной базы на Борхесе, мол, закончились учения, если все будет нормально, жди часа через четыре. Так вот, оставалось два с четвертью. Ерунда какая, всего два с четвертью часа! Что бы сделала почтенная матрона, мать двух детей, обожающая мужа вполне цивилизованно? Привела бы дом в порядок, приготовила бы что-нибудь умеренно праздничное и занялась бы... ээ... чем они там занимались? Рукоделием? Надо будет уточнить у коллег, отличается ли рукоделие от вышивания и какова кардинальная разница между рукоделием и льнопрядением? В смысле, ковроткачеством? Ведь какая была богатая идея: ожидая супруга, рукоделить что-нибудь. Вышивать, ковроткать или, скажем, льнопрядеть... Впрочем, если это не одно и то же. Сто раз задумывала госпожа Сомова обучиться одному из этих ремесел, чудесно успокаивавших нервы, но, как человек занятой, откладывала окончательное решение: вот, сажусь и начинаю учиться. Потому что таков был ее характер – если б решила, то непременно села бы и научилась, потеряв уйму времени; характер следовало обуздать. Что ж, она обуздала... Поэтому всякий раз, когда Катя ожидала мужа, ее ожидание заполнено было... нервным ожиданием проклятого мужа, до при-

хода которого оставалось целых два часа и тринадцать минут! И тринадцать отвратительных минут!

Нет, положительно следует взять себя в руки. Как у нормальных женщин? Они ведь обязаны помнить миллион мелочей, из которых складывается равновесие в доме. Мелочей, совершенно отсутствующих, просто невидимых для мужского глаза и мужских мозгов. Сколько раз она слышала от знакомых женского пола: чувствуешь себя как обезьяна, несущая кучу гороха, причем отдельные горошинки все время падают, падают, и такой соблазн – нагибаться за каждой мелочушкой, но приходится чем-то жертвовать, о чем-то забывать, иначе вся куча поползет, и тут уж никакой ловкости и уверенности в домашних делах не хватит, чтобы не потерять сразу много; и до чего же иногда хочется опустить руки, бросить горох наземь, разметать его пинками, а потом сесть и пореветь о несчастной своей и ужасно тяжелой жизни... И если вдуматься, мелочей, действительно хватает. Вот, например, умеренно праздничный стол... да-да. Кое-что стоило бы все-таки докупить. Экваториальный коньяк. А? Командор в жизни своей любил больше всего Бога, ее, жену, то есть, Сашку с Варенькой, и свою службу. На пятом месте твердо стоял Экваториальный коньяк. Купить? Побаловать?

Два часа и десять минут.

Или, скажем, связаться с сестрой? Сестре, которой она торопливо сбагрила детей. И сестрица не преминула сообщить ей в чисто педагогических целях: «Милая моя, конечно, я подержу их у себя денек, но ты-то чем думаешь, они ведь соскучились по отцу, а отец по ним! Полтора месяца не виделись. *Хорошо ли* так их разлучать?» Тогда Катя промолчала. Чем она думала? Да вот как раз *этим самым* и думала. Вареньке, младшенькой, уже четырнадцать с половиной... *Хорошо ли* им обоим хоть одним глазком поглядеть, какие аттракционы будут вытворять их родители, запершись на полдня? У современного ребенка столько есть отвратительных маленьких штучек, с помощью которых совсем нетрудно установить за родителями скрытое наблюдение. И сомовские поросята уже предьявляли маме *кое-что*... Итак, связаться с сестрой, пусть она обоих уложит спать вместе со своими обормотами не позднее полуночи. Если, конечно, сможет... Когда, двенадцать лет назад, на всей Терре-2 позакрывали школы-интернаты, оставив только сиротские, это было счастье и горе одновременно. Со счастьем все понятно: надо быть полным идиотом, чтобы позволить чужому дяде вбивать в твоих детей воспитание на один шаблон с миллионами других мальчишек и девчонок; они же все разные, кому это в голову пришло, будто их можно воспитывать одинаково? Они с Виктором приложили руку к той реформе, большая была дискуссия, и оба они стояли строго *за*. Когда Женевская федерация помыкала Террой-2, все было понятно, – оторвать малышня от родителей, загнать в «доброе единение», постричь под одну гребенку, отсеять лишнее, сделать воспитанными и трудолюбивыми налогоплательщиками... После освобождения систему школ-интернатов следовало сломать в первую очередь. Так и вышло. Но и горюшка тоже прибавилось. Дети – это очень много времени, это бездна времени и энергии. Две бездны. Три бездны. Десять бездн.

Два часа и семь минут.

Катя поговорила с сестрой, заказала коньяк и начала приводить в порядок... нет, не дом, а себя.

Что говорит ей зеркало? Что последний раз это было сорок шесть суток назад и вышло... вышло... вышло...

Взять себя в руки! Разве у почтенных матрон твердеют соски от одной мысли о... В руки взять. Да. Да-да-да-да-да. Надо подумать о чем-нибудь плохом. Отвратительном. Ей пятьдесят. Ну, в этом еще, пожалуй, нет ничего отвратительного. Вот она стоит сейчас обнаженная перед зеркалом и, говоря вполне объективно, ничего отвратительного сыскать не может. Врач-косметолог, большой шишка в своем деле, говорил Кате совсем недавно: «По

всем мыслимым параметрам вы в норме. Ваше тело сто лет назад приравнивали бы к телу тридцатисемилетней женщины. Приблизительно. А тридцатисемилетняя женщина в ту пору свободно могла начинать все с нуля, с пустого места. Если, конечно, хотела». Тогда госпожа Сомова, доктор истории усмехнулась про себя: большой кризис был примерно столетие назад, весь мир начинал с нуля. С пустого места... Впрочем, это к делу не относится. Сомову, между прочим, сорок четыре, и в стародавние времена его приравнивали бы к тридцатипятилетнему... или даже тридцатитрех... Экий мерзавец, кто его просил родиться на шесть лет раньше нее?! Ладно. Приступим. Кожа по прежнему бела, слава Богу, никаких складочек, никаких «апельсиновых корок», никаких пятен. Под глазами намечается кое-какая темень, и с ней надо разбираться. Неотложно. Пока что Катя в состоянии преодолеть мерзкие кружочки с помощью крема-реструктуризатора. Через два часа все будет в порядке...

Два часа и две минуты.

...А потом следует заняться этим всерьез. Основательно.

Волосы. А что – волосы? Да, она уже десять лет как возвращает им естественную черноту с помощью краски. С добротной регулярностью. Чтобы ни одна сволочь не смела приглядываться к корням. Тут уж ничего не поделаешь: есть способы навсегда избавиться от подседочка, благо, он у Кати только спереди, надо лбом; но существует определенный уровень косметологии, на котором даже Витино немалое жалование кажется смешным... Пусть будет краска. Кормить надо своих детей, а не детей косметологов.

Один час пятьдесят девять минут.

Она очень хотела остаться красивой подольше. Ей было – для кого. Кроме того, Катя была слишком горда, чтобы выглядеть запущенным синим чулком. Она твердо знала: женщина, которая не следит за собой, оставляет жалкое впечатление и уважения не вызывает.

Что в активе? Высокие точеные брови. Высокая грудь – для ее возраста и после двух детей грудь вообще идеальная... Тонкие губы до сих пор не утратившие своего нежного цвета. Нос – прямой, ровный, как у гречанок... не у тех современных пампушек, которые иногда прилетают на Терру-2 с Земли, из маленького Греко-Балканского царства, а у тех, которые жили во времена Перикла и Александра Македонского.

Что в пассиве? Усталые глаза. Ничего, когда Виктор приедет, глаза сами собой сделаются по ладонке каждый... Хорошо он говорит: «Нестерпимо-карие очи...» И еще в пассиве тот неприятный эпизод с флеш-тестером... зачем только ей понадобилось покупать проклятую железку! Последняя мода... новейшая технология Нью-Скотленда... глаза б на нее не смотрели. Никому не следует подтверждать женщине то, что она и так знает. Никому и ничему. То есть, безмозглые железки тоже не должны так поступать... Ее плоть оставалась упругой, хотя это и стоило с каждым годом все больших усилий. Но вот способность к восстановлению... Омерзительный приборчик, омерзительные цифирьки на экранчике. Катя знала про себя: да, отяжелела. Внешне это не должно быть заметно, однако она чувствовала: тело подчиняется ей с *большим* трудом, нежели в юности. Тело становится *менее удобным*... Тело замыслило подлую измену... Госпожа Екатерина Сомова никогда не изменяла своему командору. Впрочем, и не испытывала особого желания к подобного рода экспериментам. Она была уверена: с Виктором соединил ее Господь; не стоит идти поперек Его воли. Так отчего ж ее собственное тело норовит устроить заговор против законной хозяйки?

Один час и пятьдесят пять минут.

Зеркало отразило какое-то непредвиденное шевеление сзади. Что это еще такое?!

Она обернулась. Сзади – двое в штатском. Однако жена профессионального военного на этот счет обманываться не способна. Такие же штатские, как она – император всероссийский... Стоят. Ухмыляются. Разглядывают ее.

Екатерина Сомова не стала разбираться, зачем явились к ней эти двое, каким образом они бесшумно проникли в запертый дом, сколь важные вещи собираются ей сказать и от

имени какой спецслужбы. В любом случае им не следовало так поступать. Катя отреагировала моментально, не задумываясь о последствиях.

Крепкий маленький кулачок со свистом прилепился к глазу того оперативника, который был поближе. Он полетел на пол, не удержав равновесия. Жена командора метнулась к сигнализации, но не успела. Она услышала за спиной тихий щелчок... и свет померк перед глазами.

Глава 2

Блюз для мужчины средних лет

18 декабря 2140 года.

Военная база, Борхес, спутник Терры-2.

Виктор Сомов, 44 года, и Хосе Лопес, 49 лет.

«Катенька! Милая моя Катенька! Любимая моя. Я столько раз уходил от тебя, и столько раз возвращался! Когда-то, давным-давно, ты провожала меня на войну, и я мог не вернуться к тебе. Когда-а те времена миновали... И все-таки каждый раз, покидая тебя, на день ли, на месяц ли, я мучаюсь предчувствием беды. Мы с тобою вместе больше полутора десятков лет, и ни разу это предчувствие не сбывалось... Я молю Господа, чтобы так продолжалось и дальше, а все-таки боюсь, до смерти боюсь. Иногда я представляю себе: вот, возвращаюсь домой, а там никого нет. Ни тебя, ни Сашки, ни Вареньки... Пустой дом. Чушь, говоришь? Ну верно, верно: нет никаких причин опасаться... однако... я почему-то никак не могу избавиться от этого иррационального страха. Как думаешь, в чем тут дело, а, княгиня? Может быть, ты права, и пришло время оставить службу, потому что для нас с тобой лучше всего – не разлучаться. Денег хватает... и на наше с тобой спокойное житье, и детям перепадет достаточно... Да хватает же, зачем ты беспокоишься понапрасну! Только вот никак не пойму, что ж я буду делать, если не служить? Нет, научиться чему-нибудь я сумею, может быть, опять подамся в корабелы... Но тут мне так уютно, я, Катенька как раз на своем месте. Тютелька в тютельку. Что? Я знаю, что ты знаешь. Ты уж потерпи. Пожалуйста. Сейчас вот, например, до нашей встречи осталось от силы часа три. Ну, четыре. Ерунда, по большому счету, так ведь, Катенька? Ерунда ведь осталась...»

Во флоте Поднебесной империи экипажи были семейными. Одна огромная семья на две тысячи глоток, а то и на десять тысяч... И дети, если они перешагнули порог четырнадцатилетия, становились комендорами, инженерами, техниками, десантниками все на тех же кораблях. На терранском флоте порядке были иные. Кто из супругов не летает, тот дожидается второго на поверхности, или, как еще говорят, «на плоскости». Как в старину. Как двести лет назад. Как тысячу лет назад...

«Катенька...»

Командор Сомов сидел в скудном, но уютном ресторанчике «Глеб и Ольга». Ресторанчик предназначен был исключительно для военных и располагался на базе «Кувшинка», в двух шагах от рейсового терминала. Виктор дожидался здесь шлюпа до Терры-2. Ему нестерпимо хотелось как следует выпить, но он изо всех сил сдерживался. Супруга Сомова любила выпить с ним вместе... *потом*. Но начинаться все должно было на трезвую голову. На трезвейшую. И он приучился в конце концов доставлять жене эту маленькую радость.

Сомов вел одновременно два диалога. Ведя первый из них, внутренний, господин командор обращался к госпоже командорше. Та, хотя и отсутствовала, ухитрялась каким-то образом поддерживать оживленную беседу. Второй диалог относился к Хосе Лопесу, низкорослому тощему дядьке в плохо подогнанной форме. Сколько Сомов помнил, у этого типа форма никогда не бывала в полном порядке. Либо на размер больше. Либо дырка. Либо пятно. Либо топорщится, либо мятая, либо пехотные пуговицы, либо десантные шевроны... Впрочем, надо отдать должное Хосе Лопесу: за все время службы он никогда не надевал форму задом наперед.

– ...а как же твои рыбные фермы под Рио-де-сан-Мartiном?

– Давно мы с тобой не связывались, Витя. У меня все как всегда. Ну, ты знаешь.

– Женщина или опять скучно?

– Скучно, Витя. Мне очень нравится разводить самое молчаливое зверье на свете, но что-то, видишь ли, не вытанцовывается. Да.

– Как ее зовут?

Лопес помялся.

– Мерзавец.

– Никак не возьму в толк: ты что, на мужчин перешел? Вот те на.

– Это ты, Сомов, мерзавец. А что, настоящий первостатейный мерзавец!

– Да я ее даже не знаю.

– Ты пользуешься тем, что знаешь меня, как никто. Да. Пользуешься, не отпирайся!

Может быть, мне не хотелось об этом говорить. А ты вскрываешь меня как консервную банку. Разве это дело?

«Трепло испаноговорящее... Катенька, Катенька, Катенька!»

Сомов промолчал.

– Прекрасная Элеонора.

– Что?

– Ее зовут Прекрасная Элеонора.

– И... э?

– Нет, еще не развелся.

– Но... э?

– Ты прав. К сожалению, это неизбежно.

– А... э?

– Через месяц-другой чувство вины перестанет меня мучить, я пошлю ей письмо и все необходимые документы.

– Но она не... э?

Лопес тяжело вздохнул. Глаза его наполнились дрожащей дымкой слез.

– Ах, если бы, мой любезный друг! Чувство к истинной Дульсинее должно быть вечным. Оно по определению не может подвергнуться эрозии.

– Ты бы... э...

– Глупости. Я еще далеко не старик. Надежда остается.

– И что она? Э...

– Не смей так думать о ней! Сейчас же замолчи! Какой вздор ты несешь сегодня, Виктор! Изумительная женщина, умна как целый университет, учтива и поистине благородна. К тому же – юная красавица...

«Шестьдесят?»

– ...лишь несколькими годами старше меня! Ее царственная походка, ее голос, во всем подобный весеннему ручью, ее нежнейшая кожа...

«Только я, презренный глупец...»

– Только такой презренный глупец, как я, мог растоптать цветы нашей любви...

«И ведь не простит себе, никогда, ни за что не простит...»

– Разве можно простить себе такую низость, такое малодушие, такое...

Капитан второго ранга Хосе Лопес все в жизни делал честно. В особенности честно он любил. Этот маленький плешивый латино с подвижным некрасивым лицом, этот неумолкающий живчик неизменно любил со всей страстью, на какую только был способен. Всегда восхищался предметом своей любви, всегда читал пылкие сонеты, как юноша, и всегда бывал готов сложить у ног возлюбленной все, что имел, вплоть до жизни, – словно рыцарь, словно какой-нибудь кастильский идальго времен блистательной Изабеллы. Он влюблялся моментально – в ту женщину, которая в данный момент стояла ближе прочих. Но никто из них не мог выдерживать романтического огня Хосе. Через неделю, через месяц, через год – зависит от тактико-технических характеристик очередной дамы – ему начинали наме-

кать: «Милый... возьми-ка тоном ниже. Пусть будет не столь возвышенно, милый, давай попробуем просто жить вместе. Самым обыкновенным образом. Пусть у нас будет прочный, теплый, нежный, но *простой* союз... А? Милый? У меня больше нет сил поддерживать эту великолепную игру...» А Хосе Лопес не умел и не хотел жить обыкновенно. У него по натуре не получалось делать что-нибудь *просто*. Но и расставаться с дамами он тоже не умел. Сомов по его рассказам понял: его старинный друг не владел искусством разрыва, он обреченно ждал, покуда женщина не сделает первый шаг, пока она не оскорбит его, черт побери! Лопес жил по странному графику. Он не любил ни войну, ни армию, но офицером был – дай Бог каждому. Флот желал его страстно. Лопес отвечал флоту почти что холодностью. Он уходил со службы три раза; за год поднимал «водяное хозяйство»: разводил каких-нибудь нюсверрийских² псевдокарасей или простого и незамысловатого лосося, каковой счастливо давал потомство в одном-единственном месте на всей Терре-2 – в прудах Лопеса. Еще год или чуть менее того друг Хосе жил спокойно и наслаждался обретенной гармонией. Деньги текли к нему неудержимо, как раскаленная лава из жерла вулкана. Потом он находил очередную даму, делался счастлив на... ну, в общем, на сколько хватало ее ТТХ. В преддверии очередного громозвучного развода Лопес охладевал к хозяйству, вверял первым попавшимся помощникам драгоценных псевдокарасей и с головой окунался в специальные информпрограммы по корабельным арткомплексам – это у него хобби такое было... с малых ногтей. То есть, не то чтобы в специальные, а скорее, в специальнейшие, новейшие, чудовищно труднодоступные. Когда дела становились совсем плохи, флот принимался шептать Лопесу на ушко: «Дружок, пора. Беги. Я в твоём распоряжении. Я укрою». Хосе, разумеется, бежал. Его обычно отправляли на курсы переподготовки; через две недели пребывания на курсах он яснее Божьего дня показывал всем тамошним инструкторам, какие они тупицы и невежды по части флотской артиллерии. Ему давали должность. Два-три-четыре года – в зависимости от того, присутствовала ли на достижимом расстоянии некая милая прелестница – Лопес маялся военной жизнью. Потом скука и естественное сумасшествие армейского быта подсказывали ему: «Амиго, надо что-то менять!» И амиго уходил со службы, дабы вновь заняться... псевдокарасями. Его слишком ценили, чтобы потом, в очередной раз, не принять на флот.

– ...прощала мне все до последнего. Я, человек, не знающий слова «благодарность»...

– Хосе, уймись.

– ...не способный ценить подлинное благородство...

– Уймись, тебе говорят.

– ...жалкий, пустейший...

– Рыцари жен не бросают!

Испаноязычный рот счастливо захлопнулся.

– Э-э... Витя... они все были не-до-конца-жены.

– Не до какого конца?

– Старик... ты знаешь, когда я почувствую настоящую... Дульсинею... перестань рожу искривлять!.. я правильно по-русски сказал? Впрочем, какая разница... в общем... когда рядом со мной окажется истинная Дульсинея, я первый раз рискну пойти с нею к алтарю.

– Во-первых, Хосе, паршивец, не смей называть меня стариком. Во-вторых, ты что, до сих пор заключал браки гособразца?

– Именно, Витя.

– Все пять... считая... с Прекрасной с этой... Элеонорой?

– Все пять, Витя. Это были мои жены перед людьми, но не перед Богом.

– А... как ты собираешься ее распознать?

² Нью Сверье – Новая Швеция (шв.), независимое государство на планете Вальс (Терра-9).

– Истинную?

– Си.³

– Оно само собой как-то должно... распознаться... не знаю. Она будет подобна соль де оро.⁴

– Солетта де оро?⁵

Оба рассмеялись.

– Ты веришь, Виктор, что мне это все-таки удастся?

Сомов задумался. Он никогда прежде не пытался понять, насколько это серьезно у Хосе. Ему почти пятьдесят, и в этом возрасте мужчины на Терре-2 начинают ощущать кожей лица первые дуновения закатного ветра; они еще способны на многое; веком раньше их принимали бы за сорокалетних; с другой стороны, большинство находит свой путь раньше, раньше... Что такое Хосе? Тщедушное тело, наполненное крепленным испанским буйством. Когда исчахнет неугомонность Лопеса? Да может, никогда она не исчахнет. Он мало что не псих, но он же и лучший комендор во всех ударных эскадрах планеты, чуть ли не самый богатый фермер во всем Испанском секторе, неудачливый любовник и мужчина, познавший десятки женщин. Те любили его, смеялись над ним, но, когда расставались, плакали о своей несчастливой судьбе. Сказать ему честно?

– Хочешь честно? Вопрос везения, Хосе. Может быть, и удастся. Пятьдесят на пятьдесят.

Его собеседник молча кивнул. Мол, хороший ответ, правдивый ответ...

– Вот что я хотел у тебя спросить, Хосе... Ответ попросту, первое, что придет на ум. Даже не знаю, как лучше сформулировать...

– Витя, спроси попросту, первое, что придет на ум.

– Советник нашелся! Ладно, слушай: вот, допустим у меня... или у тебя... или у кого-то там... все равно у кого... есть все, чего он желал. Всего, то есть, человек добился. Делает именно то дело, какого и хотел. Семья сложилась. Материальных проблем особых нет. Ну, друзья... Все правильно. Все, как надо. А ему не хватает какой-то невидимой хрени. Даже не поймет, чего именно. Словно бы он все время не доделывает нечто важное. Вроде бы... может выжать центнер, а выжимает, непонятно почему, всего тридцать килограммов...

Лопес уставился на него с неподдельным суеверным ужасом в глазах.

– Ты, конечно, давно меня знаешь, но до такой степени...

– О! И ты? Я-то... в общем... о себе. Мы еще не старики, Хосе, но уже не молодые.

Нам требуется нечто такое, чему я никак не найду названия.

Лопес задумался ненадолго, а потом неуверенно сказал:

– На этот вопрос нет остроумного ответа.

– Да что нам нужно, Лопес?

– И простого ответа тоже нет, Витя.

«Катенька... Катенька...»

* * *

«Входящая №...»

От кого: Объединенная Координирующая Группа Терры-2. Секретариат.

Кому: Командору В.М.Сомову.

---

³ Си – да (исп.).

⁴ Соль де оро – золотое солнце (исп.).

⁵ Солетта де оро – игра слов: Солетта – искаженное «солнышко» (исп.); так же называется и звезда в системе Терры-2.

С момента получения этого приказа Вам надлежит оставить все дела, передать командование эскадрой командору Варшевскому и прибыть во Дворец Старейшин для участия в секретном совещании. Время Вашего прибытия: 15.30 по Ольгиопольскому часовому поясу.

Электронная виза секретариата ОКГ. Электронная виза командующего Вооруженными силами Терры-2. Электронная виза Совета кланов Русского сектора».

Гриф секретности, способный вызвать у робкого человека сердечный приступ с летальным исходом.

«Только визы Господа Бога не хватает...»

Сомов поразился. Это был не его уровень. И в самом грубом приближении – не его. Потому что «родной» уровень Виктора – даже не командование объединенного Военного флота, а штаб ударных сил. В первый момент командор подумал об ошибке: ему ли предназначался приказ? Сомов представил себе: какой-нибудь мичман с крейсера... скажем... «Синоп»... или «Грюнвальд»... что, в общем, все равно, получает от него, командующего эскадрой, секретное распоряжение прибыть на флагман. Для участия в совещании. Сначала он, мичман этот, подумает, наверное: «Кто-то там, наверху, спятил. Умственно перенапрягся...» А потом интуиция, которая неизбежно появляется после первого же полугодия армейской жизни, подскажет ему: «Ну, друг, жди неприятностей».

– Жди неприятностей, – сам себе разъяснил командор Сомов.

Впрочем, неприятность номер один и так стояла во весь рост. Знал ли мерзавец, вставивший в приказ непрактичное штатское выражение «оставить все дела», какие именно он, паразит правительственный, дела заставляет отложить Виктора Сомова? Прибыть к 15.30 это ведь значит...

Т-твою!

«Катенька! Милая моя Катенька! Прости меня, пожалуйста, и подожди еще немного. Честное слово, я не задержусь ни одной лишней секунды. Любимая... ээ... ты ведь нашла способ сделать так, чтобы дети сегодня пришли домой *позже*? Не могла не найти!»

Глава 3

Предложение, от которого невозможно отказаться

18 декабря 2140 года.

Терра-2, Ольгиополь.

Виктор Сомов, 44 года, и Андрей Маслов, 104 года.

...С орбиты он спустился на территорию военного порта в шлюпе.

Сомову положен был по службе персональный челнок-антиграв на восемь мест и к нему – штатный пилот. От второго командор когда-то отказался. Из принципиальных соображений. В детстве он ездил на вездеходах, и навсегда запомнил, как его отец утопил в илистом русле пересохшей реки Мангазейка могучую модель «Алеф», гордость 90-х... Отцу, давно оставившему этот мир, никак не удавалось поладить с техникой. Потом появились амфибии. Мать, женщина романтическая, попыталась вести первую их семейную амфибию и одновременно читать отцу стихи собственного сочинения. Машину, разумеется, она разбила, а заодно еще три чужих... ну, так уж получилось. Иногда так получается. Первый семейный аэрокар убил отца и чуть не погубил мать...

Виктор с детства любил железки. От Бога ли это было, или от того, что ему страстно хотелось разбираться в том, к чему родители были не привычны, только так оно и вышло. Железки тоже полюбили его.

К чему персональный пилот человеку, которого любят железки?

Выйдя за барьер энергетической защиты, Сомов присоединился к рою ожидающих. На Терре-2 полтора десятилетия драконовскими мерами приучали вольнолюбивую натуру местных жителей ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВОЗДУШНЫМИ КОРИДОРАМИ и СОБЛЮДАТЬ ПРАВИЛА ВОЗДУШНОГО ДВИЖЕНИЯ. Еще чужая администрация приучала – в ту пору, когда Терра-2 была подмандатной территорией Женевской федерации. Штрафовали, отбирали машины, особо злостных нарушителей могли и на каторгу отправить. Или к психоаналитику – если каторга не помогала. Наверное, не зря тогда старались женеvцы – в одном только 2108 году, говорят, на аэрокарах разбилось двенадцать тысяч человек...

Вбили. Вколотили. Имплантировали. Но какое же это было сладкое время для тех, кто счастливо приручился *летать как положено*. Коридоры открыты были всегда и для всех. Диспетчеры – сама любезность. Теперь – не то. Вот уже лет семь как транспортная проблема лихорадит большие города Терры... Вместе со всем «роем» Сомов висел в воздухе на высоте пятисот метров и дожидался, когда им, наконец, откроют коридор. Здесь, в пригороде Ольгиополя, терранской столицы, с этим особенно тяжело. Рядышком, по воздушной магистрали, аэрокары и, реже, антигравы шли несколькими потоками, сливаясь в одну разноцветную мерцающую стену. Снизил скорость – и тебя выбросят из потока. Превысил скорость – и тебя выбросят из потока. Сунешься мимо коридора – и тебя выбросят из потока. Пойдешь на обгон – и... ну ты уже в курсе, друг?

Чего стало больше? Машин? Или, может быть, людей?

Прошло полчаса.

Кто-то вырвался из роящегося скопления и пошел к городу в свободном полете. Быстро. Легко. Красиво. Скорее всего, прямо в лапы к инспекторам. Нервы не выдержали у бедняги. Впрочем, некоторым везет, не всех же ловят...

Еще десять минут. О, открывают, открывают! Поехали.

Сомов указал автопилоту курс и отключился от управления. Он тысячи раз летал туда и обратно по этой магистрали, но неизменно любовался на то, как *нарастает* внизу столица – от пригородов к центру.

Ольгиополь, во-первых, сумасшедший город. Ему нет и сотни лет, а он уже успел сбрендить. И, во-вторых, Ольгиополь это город сумасшедших.

Он слишком быстро рос и слишком вольно строился. Бывают города как государства. Ольгиополь – совсем другое дело. Это, скорее, город-континент, в котором уживается множество государств.

Вот чудовищный – от горизонта до горизонта – завод-неизвестно-чего, на который не ступает нога человека, пока что-нибудь не сломается. Им управляет с десятков операторов, сидя у себя дома. А вот – рядышком – усадьбы, утопающие в зелени, каждая с вывертами на свой манер. Стиль «флибустьер». Катеньке очень нравится. А она понимает в этом толк. Стиль «большой боярин». Стиль «граната». Стиль «эчмиадзин». Стиль «фрезерный станок». Стиль... э-э-э... как-то его Катенька очень экзотично называла, не привел господь запомнить... «пьяная вишня»? «Китайский мандарин»? «Японский апельсин»? О! Точно. «Воровская малина». Да. А во-он там, чуть подальше, целое скопление «полевых экологов» – для не столь богатых людей. У них с Катенькой как раз такой. Модификация для океанского побережья, там не так мучительно мечтается о «флибустьере».

Вот старинный дом-дерево 80-х, наверное, годов. В детстве Сомова окружали такие во множестве, а теперь их почти не сохранилось. Вот совсем уж древний район – там еще есть маленькие домишки фронтирьеров, фактически, простые блочные бараки. Командор пытался представить себе – и не мог, что шестьдесят лет назад *фронтир был здесь*... А ведь он родился в таком вот коттеджике на несколько семей, и обзывали тогда фронтирьерскую архитектуру емким словом «необаракко». Вот стандарт 10-х годов: невысокий тридцатиэтажник, в плане – квадрат с просторным внутренним двориком. Вернее, с четырьмя внутренними двориками. На уровне восьмого, восемнадцатого, двадцать восьмого и тридцать восьмого этажей. Над первыми тремя – небо. Искусственное. Но иллюзия такого качества, что... а впрочем, такие дома все равно никто не любил. Вон там строили, наверное, в конце 20-х, когда все ошалели от недавно обретенной независимости и хотели чего-нибудь особенного... Над кварталами реют ажурные полупрозрачные конструкции, поворачиваются от ветра – то ли как паруса, то ли как флюгера: и о парусах и о флюгерах Сомов знал из какой-то информпрограммы, но в жизни никогда не видел ни того, ни другого. Весь район – просторный, чудовищно просторный, словно сон человека, жестоко страдающего от клаустрофобии... А это уже детище тридцатых. Шестидесятиэтажные «колизеи». Ничего лишнего. Сплошная прагматика. Нормирование. Тоска-а. И только веселенькие башенки тут и там. Совершенно непрактичные. Антенны, маяки, воздушные знаки можно было бы повесить *над* домами, на антигравитационных платформах. Башенки, по большому счету, ни к чему. Но, как видно, у штатных государственных архитекторов сдавали нервы, хотелось им показать: нам, мол, тесно, нам нелегко, однако нам всем очень надо наверх. Выше. Выше. Еще выше...

Там мемориал первопроходцам. Тут административный октогон. Здесь портал субтерраноса. Дальше – представительство Российской империи. Суровый неоампир. Дальше – на самом горизонте – «Полигон для юных дарований», и от того, что там испытывают каждый день, здравомыслящие люди держатся подальше. Первую свою большую победу Сомов одержал именно там. Тридцать лет назад. Когда доказал недоумкам с верфи Русского сектора, что кассетное крепление малых надстроек в сто раз лучше простого энергетического...

Когда-то он строил корабли. Потом ремонтировал. Теперь в основном разрушает.

С высоты антигравьевого полета город выглядел как дичайшее месиво. Проспекты. Узкие улочки. Отсутствие каких бы то ни было улочек. Ржавые металлопластовые развалюхи по соседству с виллами из новейшего биоморфа. Сверхдешевые кварталы для мигрантов из Поднебесной и независимого государства Совершенство. Совершенцев вообще море... Какой-то у них там эксперимент, и люди бегут, бегут... В последнее время въездной контроль

ужесточили, но мигрантские кварталы все равно растут как на дрожжах, дети там завелись... Преображенский собор и епископальный городок рядышком, все в розах. Развлекательный центр. А по соседству – Дмитриевское кладбище, древнейшее в городе. Зоопавильоны. Квартал средних работяг с колоссальным пятидесятиэтажным гаражом для амфибий...

Дворец Старейшин во всем этом хаосе выглядел на редкость здравомысленно. Тринадцать лет назад его выстроили из натурального камня в тяжелом и практичном стиле неоампира. Разумеется, никто не подражал земной Российской империи, где его и придумали. Тут ведь так много местных модификаций, новинок, ну и... всяческих штучек... довольно непохожих... нда. Выглядел Дворец надежно, приземисто и... небогато. Не далее пары кварталов от него в метре над поверхностью на четырех гравитационных якорях висел «Сливочный торт» – посольство нищей Центральноафриканской республики. Это пышное здание с верхним ярусом в виде заснеженной саванны, по которой бродят призраки жирафов и перекатывается дюжина зеркальных солнц, по сравнению с Дворцом Старейшин выглядело как преуспевающий бандит в компании честного полицейского...

Внешние слои охраны облучили сомовский челнок полным каскадом спецсредств и пропустили на служебную ВПП. Там Виктор закорился и прошел еще одну «полосу отчуждения», так и не увидев, впрочем, никого из людей. Затем его встретил улыбающийся лысый толстячок в форме и задал какой-то вопрос. Командор, не сразу поняв смысл вопроса, собрался с мыслями... собрался с мыслями... собрался с мыслями...

...вели куда-то по коридорам...
...необычный рисунок световых панелей...
...колодец?..
...довольно долго...
...сплошной металл...
...выше?..
...над поверхностью или под ней?..
...еще один пост...
–...Как вы себя чувствуете?

Унылый сад. Время заморозков, поздний сезон ветров. Деревья стоят голыми. Низкий дым от костерка ползает по сырой листве. Зябко. Тусклое солнце – вроде белой монеты под быстрым течением реки, края размыты. Небо... как разводы грязи на блестящей металлической плоскости. Узенькие аллеи.

А снаружи – сезон туманов, снежные хлопья, падая, тонут в пуховых перинах...

«Кто бы меня ни тряс... чисто теоретически, источником информации, как добраться до этого садика, я точно не стану».

– Нормально. Спасибо, нормально.

Перед ним стоял седой старик. Невысокий, но, по всему видно, крепкий. Кожа вся в синеватых жилках, кое-где одрябла и висит: с косметическими трансформациями старик явно не перебарщивал. Тонкая линия волевого рта, бескровные губы. Высокий лоб. Глаза... не мог разобрать Сомов, что там за глаза – его собеседник смотрел себе под ноги. В голосе не было ничего старческого: негромкий, приятный, отлично поставленный голос. Слова произносились до неестественности внятно. Иностранец, превосходно изучивший язык, говорил бы именно так.

– Добрый день, Виктор Максимович. Рад встрече с вами.

Официальная улыбка Сомова. Крепкое рукопожатие.

– Нам предстоит, Виктор Максимович, долгий и сложный разговор. Я понимаю, вам хочется поскорее увидеть супругу, встретиться с детьми... Однако же... обстоятельства не располагают. Мне придется поговорить с вами о некоторых приятных вещах и о двух вещах крайне неприятных. Все они будут для вас данностью, все они войдут в вашу жизнь и изме-

нят ее. Тем не менее, конечный выбор останется за вами. Мне, правда, пришлось максимально сузить возможности вашего маневра... Простите старика.

Этого человека Сомов знал очень хорошо. Издалека. По новостям. По подписям на некоторых документах. По голографическим изображениям. Но живьем не видел никогда.

Без малого семь лет Андрей Семенович Маслов занимал должность секретаря Объединенной Координирующей Группы Терры-2. А до того пять лет верховодил в Русском секторе. И тогда уже ему было за девяносто. Все эти цивилизованные нововведения: секретарь... координирующая группа... блекли перед вековой терранской традицией – называть вожака планеты старейшиной Совета кланов. Маслов и был старейшиной – в прямом смысле слова. Он входил в список тысячи самых старых людей планеты. И ветхость лет наложила на него свое тавро. Терра до недавнего времени была миром фронта, вольным и бесшабашным, силушка играла в ней. Люди изъяснялись тут просто, прямо и грубовато. А этот старик отчего-то пожелал витиеватостей. Зачем? Вся Терра знала его биографию. В двадцать он был контрабандистом и даже отбыл год на каторге. В сорок он участвовал в русско-польском конфликте, одной из последних больших драк между секторами на Терре. Поговаривают, будто Маслов брал на бордаж польскую орбитальную станцию и кого-то в пылу боя собственноручно зарезал. В пятьдесят, во время пандемии лунного гриппа на Южном континенте, он высадился в гавани Нового Владимира с первой спасательной экспедицией. Той самой, где выжили двое из каждых пяти. Пятнадцать лет назад он возглавлял объединенные Силы безопасности Терры, методично уничтожавшие десантный корпус Женевской Федерации, который посетил Терру-2 без приглашения. Сильный был человек. И жутковатый – самую малость. Отчего ж понадобились ему сейчас какие-то нелепые витиеватости?

–...Я слушаю вас, господин секретарь...

– Андрей Семенович. Мне удобнее общаться с людьми, которые зовут меня по имени-отчеству.

– Ясно. – Сомов никогда не разговаривал с кем-нибудь выше командующего терранским флотом. Тот был строгим, но веселым мужиком... Этот – на два яруса власти выше, если не на три. Бог знает, как с ним разговаривать. Нужна, наверное, какая-то особенная вежливость, беда только, что никакой особенной вежливости командор Сомов обучен не был.

– Прошу вас, Виктор Максимович, совершенно искренне: потерпите мое старческое многословие. К некоторым... предметам обсуждения... требуется подход издалека.

– Конечно.

– Андрей Семенович...

– Да, конечно, Андрей Семенович.

– Итак, о моей дряхлости. Я, видите ли, отлично понимаю: сорок пять лет – возраст, в котором мужчине удобно считать себя и молодым и немолодым одновременно. Правда такова: это преддверие заката. Но, поверьте мне на слово, закатная пора бывает очень длительной и делится на множество стадий, градаций... На каждой новой стадии ты с чем-нибудь расстаешься. Речь не идет о близких людях, это уж само собой... В пятьдесят ты понимаешь, что здоровье не бездонно. В шестьдесят ты расстаешься с иллюзией, будто можешь полноценно соревноваться с молодыми. В семьдесят уходит желание успеха. В восемьдесят – привязанность к добрым воспоминаниям. В девяносто тебя оставляет самое прочное, что только есть в большинстве людей: жажда иметь собственный дом, пятак абсолютного комфорта и абсолютной безопасности. Знаете, с чем остаешься после девяноста?

– Нет, Андрей Семенович.

– В активе – сущая мелочь. Желание быть полезным хоть кому-то, хоть как-то. Ну и желание спасти душу от загробных неприятностей, разумеется... Так вот, Виктор Максимович, как бы нечистоплотно ни выглядели мои действия, они продиктованы стариковским

желанием угодить Терре. Смешно звучит, не правда ли? Но мне очень хочется быть полезным хотя бы ей. Семье своей, клану, я, по большому счету, уже не нужен. Разве что, как политик...

Сомов ловил его взгляд и все никак не мог поймать. Маслов не смотрел на него, смотрел куда-то вдаль, в сторону, под ноги. Говорил старейшина очень уверенно и двигался несообразно возрасту без стариковской медлительности. Но глаза его не хотели встретиться с глазами собеседника. Наконец, Сомов чуть-чуть обогнал его – настолько, чтобы не нарушить естественных приличий, – и смог на секунду заглянуть...

О! Там был страх.

У главы Терры-2 в глазах стоял одинокий тоскливый страх. Не стоило открывать этого: подобными вещами не делятся.

– Не стоило, Виктор Максимович...

Маслов наперед знал все игры сорокапятiletних юнцов.

– Извините, Андрей Семенович.

– Итак, вам с сегодняшнего дня присваивается внеочередное звание вице-адмирала. Кроме того, вы назначаетесь командующим поисковой эскадры, которая постоянно работает в анклав Терры-9. Вы смените вице-адмирала Бахнова. Ему, видите ли, за год не удалось добиться успеха... Надеюсь, Виктор Максимович, вы понимаете, о чем я говорю?

– Место для жизни под чужим солнцем?

– Оно самое. Помимо всего сказанного выше, я должен сообщить вам о переводе на ваш счет в Центральном банке Русского сектора Терры-2 пятидесяти миллионов гривен.

За всю долгую семейную жизнь Сомов со своей любезной Катенькой сумели накопить на этом самом счете всего триста сорок семь тысяч гривен...

–... Более того, вам предоставляется право выбрать на новоприобретенной территории Терры-10 *любой* участок поверхности площадью в двадцать гектаров; он будет предоставлен вам в полную собственность, а дом вам построят на средства из бюджета Независимого государства Терра. Плюс ко всему, ваш служебный оклад увеличивается в три раза. Надбавка вам начисляется с сегодняшнего дня вплоть до окончания... *работ*... на искомом объекте. Вы понимаете о чем идет речь, Виктор Максимович?

– Конечно, Андрей Семенович. Но я бы сделал все возможное и без такого... поощрения.

У старейшины краешек губ пополз кверху. Пополз и моментально остановился. Человек, который боится чего-нибудь, и боится всерьез, не склонен к иронии.

– Контр-адмирал Мендоса полтора года назад сказал мне то же самое. Слово в слово, командор. Я ничего не предложил ему сверх выполнения служебного долга. И он провалил дело. Вице-адмирал Бахнов сказал мне год назад ровно то же самое. Очень похоже выразился. Я пообещал ему столько же, сколько и вам, Виктор Максимович. Он провалил дело. Теперь я вынужден официально принести вам свои извинения.

– За что, Андрей Семенович?

– Не смей перебивать, щенок!

Этот хладнокровный, вежливый, хитрый старик побелел от гнева. Щеки у него тряслись. Да что с ним такое? Сомов, как и любой прирожденный военный, не любил подчиняться человеку, которому не хватает уверенности и выдержки.

– Простите, мне не стоило кричать, Виктор Максимович... Итак, я приношу свои извинения. Теперь, после провала Бахнова, все обещанное вам больше не является «поощрением». Можете, если угодно, трактовать сумму бонусов как попытку сгладить неприятное... впечатление... от... основного стимула...

«Старику не хватает твердости. Все-таки возраст дает о себе знать».

– Вы внимательно слушаете меня, Виктор Максимович?

- Разумеется, Андрей Семенович!
- Ваша семья взята под арест и вывезена с планеты. Вы больше не увидите ни жену, ни детей, если провалите миссию.

Глава 4

Госпожа Сомова разминается

19 декабря 2140 года.

Орбита планетоида Пушкин в системе звезды Солетты.

Екатерина Сомова, 50 лет.

– Джентльмены... – Екатерина Сомова встала с гордо поднятым подбородком, выдержала паузу, развела руки в легчайшем подобии реверанса и наклонила голову, как бы приветствуя публику. В стандартном кубрике армейского образца, ставшем ее узилищем, никого не было, кроме нее самой, Саши и Вареньки. Но госпожа командорша задумчиво обвела взглядом стены, ибо некто должен был неусыпно бдить у камер слежения...

– Джентльмены, – повторила она, – с вашего позволения мы начинаем.

– Железяка маздай, – угрюмо прокомментировал Саша. Он вообще иногда бывал бирюк-бирюком.

– Я тебя обожаю, мама! – откликнулась Варенька.

– Итак, мон шер... делай раз!

Сын ударом ноги сшиб пластикетовый щиток с блока предохранителей на питьевом синтезаторе. Выдрал пломбу. Вставил в открывшееся гнездо игровой ключ. Нажал одну кнопку, другую, третью... Кашица из игровых программ тоненькой струйкой потекла в плоть корабля.

Тот, кто наблюдал за ними через хитрую оптику, не дремал и успел вырубить питание, – в кубрике погас свет. Но ключ имел автономный биоаккумулятор с емкостью, которой хватит на всю жизнь приборчика.

Где-то вдалеке взвыл сигнал тревоги. Нет, отнюдь не учебной, а такой, при которой только мертвецы не спешат вскочить и понестись на точку, указанную в боевом расписании. Мертвецы в таких случаях передвигаются, не торопясь...

– Что это, ты, псих? – зашептала Варенька.

– Весь ударный флот Женевской федерации...

Чуть ближе ударили колокола пожарной тревоги. И бактериологической заодно.

– Псих! Псих! Всего навертел!

– Дети, не отвлекайтесь. Делай два!

Саша проворно защелкал маленькими клавишками.

– Мама... прости.

– Что, не выходит?

– Нет... мама... выходит. Только это не корабль. Это, оказывается орбитальная база Польского сектора **Бялы Палац**.⁶ Орбита планетоида Пушкин.

– И что, Сашенька, она... эта база... наверное, довольно крупная?

– Пож-жалуйста, мама! Не называй меня Сашенькой... Тут небольшой город. Примерно сто пятьдесят тысяч населения.

Хорошо, что дети не видели ее удивленно поднятых бровей. Сейчас эти сто пятьдесят тысяч – все как один – готовятся героически погибнуть в бою с проклятыми женевцами, невесть как добравшимися сюда, заодно тушат несуществующие пожары и все это проделывают в скафандрах высшей защиты. Как полагается при бактериологической тревоге... **Набольший** человек, всего вероятнее, ломает голову: как это к нему проникли диверсанты,

---

⁶ Бялы Палац – Белый Дворец (польск.).

в роковой час запалившие базу и распылившие гнусные свои аэрозоли? Или это не диверсанты, а свой выискался, гад, сволочь, иуда продажный?!

«Господи, спаси и помилуй! Не выдай, Господи!» – молилась, не разжимая губ госпожа Сомова. Вслух же она сказала:

– Что ж, не будут лезть, мерзавцы.

От детей потянуло аурой полного понимания.

Катя скачала информацию о месте их заточения прямо в особый пробел, специально оставленный ею в послании на Сашином игровом ключе. Послание предназначалось для кланов Михайловых и Рыжовых-Сомовых, к которым по праву рождения принадлежали она сама и Виктор.

– Сынок... делай три!

– Пож-жалуйста, мама! Не называй меня сынком.

Через несколько секунд вся устройства связи, которые только были на орбитальной базе, буквально фонтанировали Катиным посланием. Если кто-то хотел что-то скрыть, то... м-да.

– Зайчик, делай четыре!

– М-мама!

– Хорошо, милый, никаких зайчиков.

– И никаких милых!

Дверь в кубрик отошла в сторону. Путь наружу был открыт.

– А теперь, Варенька, котенька... делай пять!!!

Над этим вирусом ее тишайшая дочка работала больше месяца. Это даже вирусом-то язык не поворачивался назвать. Сама Варенька скромно нарекла его «Шедевр».

Минуло еще несколько секунд. Сомова-старшая горячо молилась Пресвятой Богородице и всем святым, со времен Христа просиявшим, о том, чтобы ее маленькая шалунья не переборщила опять... как в тот раз... ну, в тот самый... вспоминать стыдно... говорят, диспетчер транспортной сети Ольгиополя за четверть часа сделался седым, как лунь. А был, говорят, жгучим брюнетом... Или как в тот раз... когда... ой, как нехорошо... курс центральноафриканской кванзы в течение часа вырос на четыреста процентов... Нет, деточка, нет, не надо, не подводи мамочку...

– Мамочка, не топорщи клапана, пожалуйста, все будет ювелирно. Я тебе обещаю.

«Не топорщи клапана?! Да где она этого нахваталась...»

– Готово.

– И... что?

– Мамочка, без энергии осталась только четверть базы.

Сомова-старшая представила себе, как противный некто, только что самоуверенно глядевший в свою шпионскую оптику, пытается отдрать люк... в смысле дверь (поживите с мое замужем за флотским офицером!) собственной каюты, тщетно рвется наружу, как этот некто пробует связаться с начальством и связь показывает ему кукиш, как он матерится и завывает от бессилия...

«Вот то-то же тебе, безымянный волчина! Связался с женщиной и малыми детьми!»

– Девочки... мальчики... вперед!

Саша и Варенька выпорхнули, оглянулись – все-все, действуем по плану – и понеслись на поиски ближайшего шлюпочного ангара.

Она не стала им рассказывать о своей печальной уверенности: даже в полном бедламе обоих найдут еще до того, как они стартуют. Даже раньше, наверное, чем они доберутся до подходящего шлюпа. И это не она сейчас отвлекает внимание от них, а именно они – от нее... Ей же надо всего-навсего найти незаблокированный щит с выходом в систему жизнеобеспечения базы, выйти через него на любой периферийный канал связи и оставить

там *настоящее послание*. Оно спокойно пролежит, свернувшись калачиком, трое суток, а потом отправится... нет, не к Михайловым и не к Рыжовым-Сомовым. Этим давно дали понять, *сколько стоит игра*, и они, хоть и родня, как люди здравомыслящие, должны были отказаться от авантюры. И все равно их проверят, перепроверят и переперепроверят. Потом заткнут все дырки в информационном пространстве. Ничего не происходит. Фонтаны странных посланий? Поломка. Случайность. Глупость. Ерунда. Только тогда, когда все уже успокоится, истинное послание поднимется с лежки и случайным пробоем отправится к совсем другому адресату.

Впрочем, все эти щиты, каналы, пробои – такие джунгли для тихой гуманитарной мамы двух гениев деструкции. Тихая гуманитарная мама едва-едва справилась с задачей. Но все-таки справилась. Перевела дух. Отправилась в путешествие обратно, к злосчастному кубрику.

И только тут Катя позволила себе подумать: «Витя, спаси меня. Спаси же ты меня, Витя!»

– Госпожа Сомова? Недалеко же вы успели уйти...

Она повернулась на голос.

Капитан Каминский, лет тридцати пяти, красавец, лицо правильное, как будто гравированное по канону «Мистер гениальная инженерия». Сейчас на нем мундир со всеми знаками различия, и этот шлемец носит военную форму элегантно, как модель на подиуме... Объединенное Агентство Безопасности Терры-2. Каминский мог бы служить парадной витриной для конторы. «Юноши записывайтесь в ОАБ! Дело для настоящих мужчин»... Мог бы. Да. Только бланш под левым глазом портил рекламную картинку.

Катя знала, что господин капитан и сейчас не ждет от нее подвоха. Поэтому вздохнула, скромно потупила очи... и ударила с левой.

Разумеется, он устоял на ногах. Разумеется, он не ответил. Разумеется, он даже не допустил мысли, будто госпожа Сомова пытается его оглушить и вновь пуститься в бег. Каминский научен был прокачивать ситуацию на уровне рефлекса. Но даже очень хороший специалист – не всегда хозяин своим эмоциям.

Капитан сделал шаг вперед. Целую секунду лицо его излучало беспримесный гнев. Затем он справился со стихией ярости.

Командорша была не в том настроении, чтобы пугаться. У нее самой хватило бы злости и обиды на трех взбешенных оперативников. И уж тем более она не собиралась бежать; да она ни на сантиметр не сдвинулась с места.

– Что? Хочешь скрутить? Связать? Вколотить той парализующей гадости, которой накачали меня и детей? Хочешь? Лучше не пробовать, честное слово, капитан. А вдруг мой муж узнает хотя бы о... десятой части твоих художеств? А вдруг он огорчится? И тогда найдет не то, что нужно? Или не там, где нужно? Или *не для тех*, кому нужно? Давай, капитан. Ударь меня. Сделай мне плохо.

Каминский стоял в шаге от нее. Лицо – блее белого. Эта подлая мысль – «...не для тех...» – раньше не приходила ему в голову. Капитан готов был возиться с этой невыносимой женщиной столько, сколько прикажут. Но он совершенно не готов был провалить дело, выполняя свои обязанности избыточно хорошо, *слишком надежно*.

Он попытался вразумить фурию.

– Я понимаю ваше состояние, Екатерина Ивановна. Но, поверьте, очень многое поставлено на карту. По сути, благо всей Терры. Возможно, это примирит вас с нынешним вашим положением хотя бы отчасти. Надеюсь, все закончится правильно, и вы потом будете вспоминать со смехом...

– Заткнись.

Только полный идиот способен думать, будто фурию можно вразумить. Или человек, у которого уверенность в собственной силе хлещет через край.

Фурия вспомнила, как сознание меркло и вновь возвращалось к ней, как чей-то голос требовал увеличить дозу, какого ляда опять эта чертова перечница затрепыхалась... А еще она вспомнила, как будила детей, как пытались они втроем определить, куда попали, и как пришел этот ферг и с важным видом выложил им правду, но где они находятся так и не сказал; контакты с внешним миром, мол, не дозволяются... Еще бы, мерзкая ты рожа, «засветить» такое мероприятие – оабовцы ведь все это гуано называют нейтральным словечком «мероприятие» – дорого стоит... Тогда Катя почувствовала как освобождается в ней внутренний маховик, прежде заблокированный добрым и счастливым браком. Она крепко верила: только Бог и супруг властны над ее семейными делами, и больше никому не дозволяется туда лезть. Никому, и *ни при каких обстоятельствах*. Катя словно помолодела лет на двадцать. Она приготовилась грызться за свою семью хоть до крови, хоть до смерти и с кем угодно. Они облазили с Сашей и Варенькой весь кубрик, переговаривались по-французски, чтобы охрана не поняла, сначала казалось – тщетно, нет, ничего нет, даже выходов питания не сыскать... И никаких шансов. Сплошная механика. Даже санузел. Даже еду им приносили офицеры ОАБ. Чушь, не бывает во Внеземелье абсолютно изолированных помещений, – подсказывала ей логика. Искать, искать! И в конце концов слабое место обнаружилось: питьевой синтезатор. Слава Богу, добрые дяди-оперативники не отобрали у маленьких чудовищ их милые безобидные игрушки, с любовью и знанием дела доведенные до совершенства...

Фурия присмотрелась и с большим моральным удовлетворением отметила: второй бланш на капитанской роже непременно будет. Вопрос времени. Фурия задала единственно важный на данный момент вопрос:

– Где Саша и Варвара?

– Не стоит так рисковать детьми, Екатерина Ивановна. Право же, не стоит. Вашу дочь мы отыскали в малом ракетном истребителе за двадцать секунд до старта. Нам едва удалось ее остановить.

– Не тебе, капитан, давать советы, как я должна поступать со своими детьми... Что там с Сашей?

Каминский замялся. И сердце Екатерины Сомовой наполнилось страхом и восторгом одновременно. Да неужто? Неужто?

Она угадала ответ.

– Полагаю, Екатерина Ивановна, мы найдем вашего сына в ближайшее время.

В душе у Кати самое потаенное и самое уязвимое место трепетало от ужаса. Господи, Сашенька, один, в этой дикой круговерти... Спаси и оборони, Господи!

Но она сухо рассмеялась в лицо Каминскому:

– Повоюй, капитан, с моим младенцем. Посмотрим, кто кого! Ты сам еще не понимаешь, какое лихо выпустил на свободу. Да и я, признаться, только размялась.

– Послушайте, я просто выполняю свой долг. Вы, жена военного человека, должны понимать значение слова «приказ». Будь моя воля, вы гуляли бы на свободе. Так к чему нам вся эта напряженность?

– Нам?

«Бог любит троицу, – озорно подумала Катя. – определенно, троицу...»

– Капитан, у меня найдется кое-что интересное для вас. Взгляните.

Она подняла левую руку, сжатую в кулачок, раскрыла пустую ладонь... а правая уже спешила на randevу с точеным носом оабовца.

Это был серьезно подготовленный человек, отлично тренированный, выработавший профессиональную реакцию на разного рода неприятные неожиданности. Каминский про-

шел через тысячи спаррингов, и были в этой коллекции совсем не учебные экземпляры... Но он совсем не ждал простенькой детской уловки. А потому успел только дернуться. Тоже по-детски.

Нос уцелел. Досталось губе.

Глава 5

Бочка с антиматерией

18 декабря 2140 года.

Терра-2, Ольгиополь.

Виктор Сомов, 44 года, и Андрей Маслов, 104 года.

...Внешне это выглядело так: двое мужчин, постарше и помоложе, спокойно гуляли по садовой аллее, к их ногам ласковой псиной тянулся дымок, звук шагов скрадывала прелея листва. Совсем недавно они мирно беседовали, однако последний поворот разговора минут пять назад погрузил обоих в молчание.

Тот, что постарше, с государственной холодностью сочувствовал собеседнику. Он ждал.

Тот, что помоложе, молился Господу. Чтобы тот избавил его от соблазна закончить все тут же, одним ударом в репу. Молился, молился, и отлично осознавал при этом: хоть и не видно никого в этом запущенном саду, а сколько ведь, наверное, молодых людей, превосходных профессионалов, наблюдают сейчас его спину в прицелы... Скорее всего, они нажмут на спуск, не дав ему лишней доли секунды на замах. Но, допустим, он даже успеет ударить, дотянется, вдавит этой болотной гнилушке нос в череп, пусть так. Неважно, захочет ли Маслов каким-нибудь судорожным жестом остановить свою охрану, найдет ли он достойного офицера на замену ему, Сомову, неважно... В живых командор Сомов не останется с гарантией. А труп недееспособен, трупу не вытащить Катеньку и детей... Следует держать удар.

И Сомов запер в самом глубоком трюме Катино лицо, а вместе с ним – лица Саши и Вари. Вырезал из души своей то местечко, которое судорожно сжималось и кричало: «Катя! Катя! Катенька! Да что они с тобой сделали! Господи, помоги мне! Катя! Что это сволочь сделала с тобой!» – и спрятал его там же. А потом медленно поднялся наверх, на палубу, туда, где крик из трюма не слышен.

– Где они и как с ними обращаются, Андрей Семенович?

Старик удивился: этот человек, судя по досье, бывал вспыльчив и даже очень. Между тем, сейчас он говорил совершенно спокойно. Маслов знал до крайности мало людей, способных сохранять хладнокровие в пиковых ситуациях, но не склонных к этому в обычных обстоятельствах. Что ж, мальчику эта способность еще пригодится.

– Не беспокойтесь. Они в безопасности и обеспечены всем необходимым. С ними обращаются уважительно. Но за ваше поражение они ответят вместе с вами, Виктор Максимович.

Сомов и бровью не повел.

– Почему именно я? Во флоте достаточно офицеров старше по званию.

– Я могу ответить вам откровенно, однако вы должны обещать полную конфиденциальность. Я могу на это надеяться?

– Да.

– Мендоса и Бахнов не справились. Вице-адмирал Пряников – старик, а я слишком хорошо знаю стариков... вроде меня, чтобы доверять им. Мадам Княжевич весьма агрессивна и отлично подготовлена, но у нее ноль боевого опыта. Командор Медынцев не вызывает доверия у психологов. Контр-адмирал Рябинина, по отзывам... хм... по разнообразным отзывам, никакой тактик, хотя и отменный администратор. Командор Рохас – лучший специалист, если надо организовать оборону планетоида, тут ему нет равных. Но он никогда не командовал ни ударными соединениями, ни десантными флотилиями. Кто остается?

– Командор Черный.

– Молот арабов? Да. Это был бы лучший выбор. Готов с вами согласиться. Но трое суток назад он скончался от сердечной недостаточности, освободив вакансию для вас. Еще?

– Галай.

– Глупости. Будьте собраннее.

Сомов мысленно перебрал несколько имен. Мирное время никогда еще не рождало толковых военных. В лучшем случае – каких-нибудь гражданских адмиралов, каковых, действительно, пруд пруди после четырнадцати лет мира. Но от них убереги, Господи, в случае настоящей драки... Маслов был прав. Проклятый старик точно высчитал кандидатуру.

– Хорошо, я понял. В чем суть проблемы?

– Вы желаете знать, Виктор Максимович, отчего такая спешка и зачем понадобился такой нажим?

– Совершенно верно.

– Пожалуйста. Вот это уже серьезный разговор. Знаете ли вы, Виктор Максимович, какова в данный момент численность населения на Терре?

– Один миллиард и девятьсот миллионов человек. Данные прошлого года.

– Заметьте, официальные данные. В действительности – на семьсот миллионов больше. То есть два и шесть десятых. Есть один прогноз... Поверьте, я в последнее время только и делаю, что гадаю на прогнозах...

Старик вынул платочек и протер им лысину. Аккуратно так, неспешно протер. Некоторые люди, собираясь с мыслями, набивают трубку. Другие cedят из себя бессмысленные междометия: мнэ-э-э... нда-а-а... эхм-м-м... Особенно если разговор предстоит весьма важный. Или же весьма неприятный.

Этот лысину вытирает. Вот как. «Дело обстоит настолько плохо?» – удивился Сомов.

– Так вот, по прогнозу... людей, в профессионализме которых нет смысла сомневаться...

«Аналитический центр ОАБ, не иначе».

– ...при трех миллиардах плюс минус двести миллионов у нас начнутся перебои с продовольствием и особенно с водой, придется резко ужесточить иммиграционное законодательство, ограничить рождаемость. А Терра – мир фронта, не привыкла она ограничивать себя хоть в чем-то... Между прочим, года три назад фронт исчез.

– Исчез?

– Да. У нас не осталось не освоенной территории. Никто, правда, этого не заметил. Тихое событие. А оно, пожалуй, будет для нас всех поважнее борьбы с женеvцами за независимость... Простите, я отвлекся. При трех с половиной миллиардах возможно начало войны между секторами. Шестьдесят лет такого не было, как вы знаете. С 2080-го. При четырех возможность превращается в неизбежность, а при четырех с половиной тут будет уже гражданская война, хаос, кошмар. Мы сидим на бочке с порохом, Виктор Максимович. И даже не с порохом, наверное, а с антиматерией. Вы понимаете, каковы ставки?

Сомов пропустил мимо ушей этот тонкий заход старика.

– И никто не предвидел? Существуют же методы...

– Да! Да, Виктор Максимович, методы существуют! Конечно! – Маслов разгорячился. Он спорил не только со своим нынешним собеседником, но и с множеством других людей, о которых Сомов ничего не знал. Кроме одного: есть, оказывается и у Маслова серьезные оппоненты. – Есть методы. Но времени – нет. Лет двадцать как минимум нужно перестраиваться. Перекрыть всю нашу жизнь... а лучше бы двадцать пять лет. Двадцать – по минимуму. А мы плодимся как кролики! Еще при женеvцах плодились, и им было наплевать. Потом порвали с ними, и много было всякого, чем требовалось заниматься *в первую очередь*, еще больше шло *в самую первую очередь* и оставались кое-какие дела с ярлычком «*первее*

первого»... Мы не успели понять, сообразить... Я тоже не успел. Вы сейчас расплачиваетесь за наши ошибки, в том числе и за мои персональные ошибки, Виктор Максимович.

Второй тонкий заходец Сомов тоже игнорировал. Промолчал.

– Если я сегодня отберу у людей право делать детишек, сколько они захотят, гражданская война начнется завтра. Это Терра, Виктор Максимович. Это не Земля. Здесь люди другого сорта... Если приучать к этому понемногу, возможно, что-то получится... у моих преемников. Это Терра.

«Знамо, Терра. Я тут родился, Андрей Семенович».

– Следовательно, только колонизация? И только на Терру-10, «великое искомое»?

– Кое-кого примет Российская империя, но сама идея не вызывает у них ни малейшего восторга. Горячие головы всегда готовы ринуться на Совершенство. Отлично! Там на одной пятой поверхности планеты – радиоактивная помойка. И хорошо, если только радиоактивная... Терра-10 становится для нас панацеей. Дело ведь не только в новом жизненном пространстве. Просто мы успеем сделать кое-какие изменения на самой Терре... дабы не попасться по второму разу в ту же ловушку. Повторяю: Терра-10 становится панацеей.

«Для нас. Для Нью-Скотленда. Для Латинского союза. Для Поднебесной. Для Женевской федерации. Для новых арабов. Для Нового Израиля. И там, наверное, тоже на полную катушку *простимулировали* адмиралов...»

Сомов знал, разумеется, что Терра-10 в самом скором времени будет открыта. Да это знал любой школьник, за исключением патологических лентяев. Своим ходом люди сумели добраться только до одной звезды – Солнца. В 2127-м с Трансплутона стартовала 1-я межзвездная под вымпелом Нового Израиля. Не вернулась. В 2129-м – 2-я межзвездная оттуда же, но под вымпелом Аравийской лиги. Не вернулась. 3-я – китайская, с Титании. 4-я – Нью-Скотленд, с Терры-8. 5-я – русская, с Реи. 6-я – опять Новый Израиль, Трансплутон. Не вернулась. Не вернулась. Не вернулась. Не вернулась. В 2130-м эксперименты закончились, хотя многие мечтают: а вдруг хоть кто-нибудь вернется? Зато у человечества имеется тайный ход к чужим звездам – Лабиринт. Наверное, точнее было бы окрестить его тоннелем, но уж как называли, так и называли. Лабиринт связывал внепространственным «коридором» Солнечную систему с системой звезды Солетты, где отыскалась единственная землеподобная планета – Терра-2. От системы Солетты было два хода: обратно в Солнечную систему и к Терре-3, которой владеет сейчас Поднебесная империя; от Терры-3 – обратно и к Терре-4, она же Совершенство. И так далее, вплоть до Терры-9. А там опять загвоздка: дальше хода нет. Как в Солнечной системе. Терру-9 открыли в 2061 году, восемьдесят лет прошло... Между тем, принцип «коридоров» проще пареной репы: в каждом случае две конечные точки связаны между собой множеством ОП'ов – объектов перехода. Сотнями и тысячами. Та же Терра-8 связана с Террой-9 пятью десятками ОП'ов, причем новые находят каждые два-три года. Очередной ОП можно отыскать только одним способом, а именно, «вляпавшись» в него. И когда добрались до Терры-9, долго искали ОП на Терру-10. Год, пять лет, десять, двадцать. Не нашли. Около 2100 года все успокоились: найдено завершение Лабиринта, что ж поде-лаешь, остается осваивать его... Все успокоились... Все успокоились... Лабиринт на девять звездных систем и девять землеподобных планет (по одной на каждую систему) называли «девятикомнатной квартирой», и это название вошло даже в учебные информпрограммы для школы. Он, Виктор Сомов, когда-то выучил концепцию «девятикомнатной квартиры» и с детства держал ее в голове. Только в 2138-м все изменилось. В системе Терры-9 пропал пассажирский лайнер Нью-Скотленда. Его долго искали, и в конце концов нашли... ровно половину. Она была набита мертвецами, как огурец семечками... Вторую половину отрезало аккуратно – как масло ножом. И она тоже, наверное, набита была трупами, но только пребывала по другую сторону ОП'а на Терру-10. А что это именно Терра-10, а не какая-нибудь другая неприятность, никто не сомневался. ОП'ы вот уже столетие с лишком режут несчаст-

ливые корабли, и режут их именно так... Во всяком флоте зубоскалы придумали свое безжалостное название для тех, кому смертельно не повезло. Терранцы называли разрезанные корабли «бабушкиными огурчиками», на флоте Российской империи их именовали циничным словечком «полваси», а у женеццев – просто «рванью». Каждый ОП – это расплющенная клякса, абсолютная плоскость, достаточно большая по площади, чтобы самые крупные корабли могли пройти ее по полудюжине в ряд. Но если кто-то натыкался на новый ОП и проходил его не в центре, а по краю, то кромка кляксы аккуратно разделявала беднягу на две части: одна из них отправлялась в соседнюю систему, а другая оставалась *по эту сторону*. Итак, в 38-м выяснилось: существует как минимум еще одна «комната», конечный пункт, «Терра Эсхата». Она моментально превратилась в «великое искомое». От трех до восьми эскадр постоянно искали заветный ОП в системе Терры-9. Искали вот уже полтора года, но пока безуспешно.

Все это были сведения, лишённые какой бы то ни было секретности. Информация, открытая всему свету.

– Давайте оставим теорию. Я понял ситуацию. Мне кое-что понадобится.

– Слушаю вас внимательно, Виктор Максимович.

– Прежде всего, канал оперативной связи, по которому я смогу связаться с вами в любое время. И вы откликнитесь, отложив иные дела, за исключением, быть может, откровенных катастроф. Если у меня сложится острая ситуация, то разрешать ее лучше всего на самом высоком уровне.

– Таким каналом располагали ваши предшественники, Виктор Максимович. Вы, как говорится, унаследуете.

– Отлично. Мне, может потребоваться пополнение или замена одних кораблей на другие.

– Разумеется.

– Но выбирать боевые единицы я хотел бы сам.

– Все лучшее, чем располагает терранский ударный флот, – в вашем распоряжении.

Что еще?

– Люди. Я добираю, кого мне нужно и с таким жалованием, какое запросят.

– Не вижу препятствий.

– И заменяю людей в действующем соединении *свободно*.

Тут Маслов замялся. Последняя идея претила ему как политику: положительно, никакой надежности! Должны же быть, в конце концов, *подстраховывающие варианты*.

– Есть некоторые службы, Виктор Максимович...

– Выражу свою мысль точнее: мне нужно иметь право вышвырнуть с эскадры любого, кто будет стопорить выполнение задачи. Любого. Будет он представителем *некоторых служб*, или не будет, не играет роли.

– Боюсь, мне придется проконсультироваться на этот счет.

– Не хотите дать мне такое право?

– Нет.

– Нет?

– Не пытайтесь со мной торговаться. Виктор Максимович.

– Выбирайте между Медынцевым, Пряниковым и Княжевич.

– Что?!

– Не пытайтесь со мной торговаться, Андрей Семенович. Ваши уроды будут путаться у меня под ногами. Это раз. А кое-кто, хоть и поставлен на должность сильным кланом, но в деле не стоит и медного гроша. Это два.

– Не суйте нос в политику, Виктор Максимович. Моя все-таки работа.

– Неужели непонятно? Там восемь эскадр. Успеха добьется тот, кто совершит меньше ошибок. Как вы думаете, ребята на Нью-Скотленде почистили свою эскадру от мусора – ради *такой* ситуации – или отправили как есть?

Маслов замолчал. Он видел, как будет продолжаться их разговор. Примерно на шесть-семь реплик вперед. Суть проблемы была скрыта от Сомова – и слава Богу. Иначе юноша возомнил бы о себе слишком много. И Княжевич, и Медынцев, и Пряников, и Рохас, и Рябина – особенно Рябина! – не подходили для этой работы. Психологи, кадровики, штаб флота... чушь собачья. У Маслова имелся особенный нюх на *пригодных людей*. По большому счету, даже Мендоса был ошибкой... Только Бахнов и этот... субчик. Командоришко недоделанный. Но проклятый Бахнов подорвался на бабе и вышел в тираж. Не годен.

– Хорошо. Будь по вашему.

– Благодарю.

– Все?

– Пожалуй... еще одна мелочь. Внутренне я полностью одобряю весь тот ущерб, который причинит вам Катя... но отвечать за него никто из нас не будет.

– Ущерб? – Андрей Семенович не скрывал удивления. – Я не понимаю вас, Виктор Максимович...

– Значит, информация до Вас еще не дошла... Так мы договорились?

– Хорошо.

– Искренне вам сочувствую, Андрей Семенович.

Старик сделал паузу, давая собеседнику возможность высказать все, что у него накопилось. Жалел молодые нервы Сомова. В сущности, разговор исчерпал себя. Им пора расставаться. И лучше будет, если этот сильный человек выпустит часть душившей его ярости наружу. И так ведь уже сколько сдерживается! Чай, не железный. Маслов готов был принять на себя любую порцию чужого гнева. Пожалуйста. Если этот юноша выполнит все то, что ему поручено, значит, оно того стоило. Если же нет, то и заплатит он за все сполна, в том числе за свой гнев.

Сомов молчал.

«Не хочет унижать себя несдержанностью? Ну-ну. Отчего не помочь ему?»

– Виктор Максимович, вам, наверное, есть, что сказать мне? Так извольте. Уверю вас, все останется без последствий.

Сомов заговорил *не так и не о том*.

– Вы взяли в зубы самое уязвимое мое место. Буду ли я сейчас кричать на вас или промолчу, никаких последствий сверх того, о чем уже говорено, быть не может. И мы оба отлично это понимаем.

«Неприятный человек», – отметил про себя Маслов. И ответил коротко:

– Продолжайте.

– Если бы вы предложили мне эту миссию как подарок, она стала бы для меня святыней. Я тогда сделал бы больше, наверное, чем под угрозой...

Сомов закусил губу.

Старик про себя усмехнулся: знаем мы эти речи юных энтузиастов... Когда на тебе висят жизни трех с лишним миллиардов, поневоле запоешь иначе.

– Итак, Андрей Семенович, вами выбран не тот стимул. Но дело не в этом. – Сомов сделал паузу, пытаясь получше выразить одну крайне неприятную мысль. – Вы ведь верующий человек? Не можете быть неверующим, для правителя Терры такое непозволительно. А вы – наш правитель, точнее, вы вроде государя.

– Вы сами ответили на свой вопрос, Виктор Максимович.

– Вся наша жизнь держится на вере. Выдерни главное, и рассыплется все остальное.

А вы только что потревожили главное. Суть терранской жизни такова: мы – океан семей,

составляющий единую семью, верующую в единого Бога. И в ней, в этой колоссальной семье, лихо может угрожать всем, но никто, ни при каких обстоятельствах не должен стать жертвой предательства. Ни один из миллиардов. Зачем же вы предали меня?

– Наш разговор окончен, Виктор Максимович.

Часть 2 Раздача карт

Глава 1 «Мне не хватает философии...»

19 декабря 2140 года.

Орбита планетоида Пушкин в системе звезды Солетта.

Александр Сомов, возраст перекрывается образом жизни.

Саша Сомов считал себя нетребовательным человеком.

В самом деле, ему всегда было наплевать, во что он одет. Ел он мало и нерегулярно, и до одиннадцати лет именно в этом заключалась главная проблема его жизни. Мать ужасно любила семейные обеды, Отец, когда бывал дома, поддерживал ее. И Сашу выводили за стол под конвоем. Всякого рода воспитатели и родня также требовали от него постоянства: «... но Сашенька, мы же всегда ужинаем в восемь!» Иногда он отказывался от еды, говоря, вот, мол, вы еще сэкономите на мне. Но подобная тактика оказалась малопродуктивной. Чуть погодя он разыграл карту хворей, и целых полгода наслаждался покоем: ведь кто станет напрасно беспокоить болезненного, слабого мальчика... Ему, бедняге, кусок в горло не лезет, да и общаться ему, наверное, тяжело. Однако любому счастью когда-нибудь приходит конец. Медицина в третий раз со всей категоричностью сообщила: «Здоров, как бык!» – и родителей стали посещать некоторые сомнения; дабы не доводить дело до открытого конфликта, Саша свернул проект «Мнимый больной».

Именно тогда он крепко задумался о способах радикального решения проблемы. В итоге ему открылась простая истина: начинать надо не с тактики, начинать всегда следует с верхнего уровня, то есть, с философии. Именно так он и подумал в секунду озарения: «Мне не хватает философии...» Саша разработал глобальную систему приоритетов – чем и ради чего он может поступиться. Выходило, что ради спокойной обстановки, столь необходимой для интеллектуальной работы, ему следует пожертвовать материальной базой старого образца.

Саша готовился на протяжении нескольких месяцев. Он еще в девять лет завел себе тайный банковский счет, в десять научился регулярно пополнять его, отыскивая разного рода работу в Сети, а к одиннадцати отыскал профессионального посредника, занимавшегося такой ерундой как выплата налогов, общение с государством и т. п. за соответствующий, конечно, процент с доходов. Этого человека Саша никогда не видел, да и не стремился к личному знакомству. Он просто нашел его офисный сайт в Сети, навел справки о надежности, потребовал рекомендации и заключил контракт. Разумеется, не стоит прятать все извилины в одну голову; он повторил процедуру еще трижды, и только после этого счел себя финансово независимым. Саше оставалось написать краткое сообщение для родителей и снять для себя номер в гостинице.

...Мама плакала в течение двух часов, когда он честно сказал родителям, что опять «убудет»; но если они вновь вытаскают его домой насильно, то в третий раз уже просто не найдут. Он позаботится.

Папа долго молчал, обдумывая ситуацию, а затем сказал: «Катенька, должно быть, мы его плохо слушаем. Мы чего-то не знаем. Давай не будем торопиться...» Но мама заливалась слезами и поносила проклятый, отвратительный, никому не нужный флот, из-за кото-

рого дети остались без отца и выросли такими психами (фырканье Варьки). Папа принялся осторожно расспрашивать: какого-такого меда в мармеладе сыну не хватает дома? Саша объяснил. Папа поинтересовался значением словосочетания «интеллектуальная работа». Саша постарался выбрать пример попроще. Тогда его как раз занимала возможность применить тактовую корреляцию для составления динамической системы зависимостей появления одних и тех же понятий в работах историков, антропологов и социологов от половозрастного состава их учителей. Занятная, кстати, была идея, впрочем, совершенно не серьезная. Баловство, по большому счету. «А я-то думал, ты у нас, скорее гуманитарий...» Так оно и было... просто папе в тот момент нечего было ответить. Между прочим, папу следует считать исключительно конструктивным индивидом, хотя и сугубым практиком. Логике в его действиях Саша не находил ни малейшей, интуицию иногда расшифровывал, а в целом, не мог понять: как отец приходит к верным выводам при сомнительных начальных посылах и кашеобразности мыслительного процесса в целом; тут была некая тайна. Этот странный человек, причем явно хороший, думал не головой, а всем телом; в итоге получалось занятно, и, обыкновенно, достаточно здраво... Но каков алгоритм? В тот исторический день Саша опять упустил суть отцовского способа думать. Тот неожиданно заявил: «Живи дома, мы тебя трогать не станем. Только вовремя говори, когда и почему тебе неудобно. Слышишь: старайся объяснять нам *заранее*». Саша высказался в том духе, что он, мол, не первый год пытается объяснить, но они все никак не хотят его услышать. Отец опять помолчал, и лицо его приняло выражение озадаченности. Саша и не надеялся на что-либо умное и эффективное. Папа, однако, высказался не умно, не глупо, а странно: «Предлагаю особую технологию. Если тебе приспичит опять удрать из дому или совершить иной переворот в нашей жизни, подойди ко мне и назови цифру 88. А после этого объясни все так, будто перед тобой полный дебил, а не я. Разжуй, упрости. Одним словом, как ребенку». Саша крепко усомнился в отцовской технологии, но в течение времени выяснилось: *она функционирует*. Применять пришлось четыре раза. Причем в первый раз Саша говорил два с половиной часа; речь шла о некоторых следствиях из категорического императива кантовской этики. Отец понял правильно и дал денег на апгрейд. Таких денег Саша не мог еще заработать самостоятельно... Во второй раз его интересовали современные теории коммуникации. Отец показал, как пользоваться презервативом и дал три-четыре практических совета. В третий раз хватило одной минуты: стоило лишь заикнуться о вредных последствиях эмоционального перенапряжения, как папа пообещал: «Сейчас не можем, но через месяц-другой мы вас с Варенькой непременно расселим по разным комнатам». Что ж, удовлетворительное решение... Наконец, три месяца назад Саша завел разговор по вопросам тактики ударных соединений. Папа долго чесал в затылке, а потом привел несколько аргументов по поводу того, почему не надо торопиться с подготовкой в военное училище. По зрелом размышлении, Саша пришел к выводу о правоте Сомова-старшего. Действительно, подобный ход может неоправданно рано сузить поле его возможностей...

Итак, он считал себя нетребовательным человеком. Больше всего ценил покой, уединение и, до некоторой степени, комфорт. Пожалуй, его можно было считать полноватым и неповоротливым. Но не толстым. Обжорство здесь вообще ни при чем. Просто Саша не любил подвижности; как раз напротив, он любил неподвижность, глубокое понимание происходящих вокруг процессов и уверенность в завтрашнем дне.

Как раз сейчас он лишен был и того, и другого, и третьего.

Саша стоял посреди пустынного коридора на третьем – жилом ярусе и лихорадочно прикидывал, куда пуститься в бега. Кажется, коридоры на космических кораблях и станциях называют «маршами»...

Мамин план изначально обрекала на неудачу непродуманность. Когда они с Варькой добежали до шлюпочного ангара, Саша придержал сестру за локоть и сказал:

– Варька, сгорим.

– Там что, засада, Сашка? Тебе-то откуда знать?

И он хотел было рассказать ей о теории равновесно коммуницирующих систем; исходя из некоторых положений ТВКС, можно было сделать абсолютно обоснованный вывод: тут их будут ждать. Отсюда им не дадут уйти. С очень высокой вероятностью. Но не захотелось Саше тратить драгоценное время на тупую Варьку. У сестрицы, как известно, всего одна извилина, да и та бантиком натерта... Поэтому он попросту сообщил ей:

– Ты как хочешь, а я туда не пойду. Нас там встретят.

– Мозжечком чувствуешь?

– Чую.

– Ах, какой ты у нас Сашенька умный, а все остальные – полное дурачье, по извилине на рыло, да и та шляпой натерта.

– Варька...

Она его перебила, – а голос у сестрицы ужасно громкий, высокий, да еще со всякими подъялдыкивающими и сверлящими интонациями; никогда никому ее не переспорить! – и Саша понял: начинать разговор следовало иначе. Теперь эта хрюшка просто так не успокоится. Обоих ловцам подставит, а сделает все равно по-своему. И еще потом повернет дело так, будто не она виновата, а он. Уже бывало.

– Теперь ты меня послушай! Мама уж наверное поумнее тебя будет. Раз она сказала: «Бегите к шлюпам!» – значит, так и надо сделать. Я знаю, как будет! Ты подставишь нас обоих, а потом еще так все повернешь, словно это я во всем виновата! Я, а не ты! А ну-ка полезай, куда велено!

Раз двадцать они дрались. Он был старше и тяжелее. Зато она – ловчее и подвижнее. Гимнастикой видите ли занимается, вся такая... такая... в общем, сильная. Раз на раз не приходится. То он ее, то она его... Правда, вот уже целый год как ни разу не сцеплялись всерьез. Вроде, взрослые люди, неудобно. Ну да, видишь ли, повода основательного не было. Взрослые люди – они ведь какие? – еще хуже маленьких, им только дай повод!

Вот он и появился. Но сейчас ссориться было совершенно не ко времени. И Саша ответил Варьке без затей:

– Хочешь туда – сама и лезь, дурища.

Повернулся, пошел в другую сторону, принципиально не оборачиваясь. Из-за спины донеслось:

– Да ты-то кто... шмакозябр незрелый!

«Боже, какое детство голозадое!» – обреченно отметил про себя Саша.

– Эй, ты куда? А ну возвращайся! Я кому сказала!

– Иди за мной, – дал ей Саша последний шанс.

Варька, конечно же, за ним не пошла. Она тыркнулась к шлюпочный ангар. Саша потом еще минут десять врачевал себя утешениями, мол, ну, отловят Варьку, все равно же не сделают ей ничего худого. Не посмеют и шлепка по попе дать... А стоило бы, между прочим.

Теперь ему следовало всерьез и по-настоящему удариться в бег, а не в игрушки играть.

А куда лучше всего бежать из пустынного марша на жиллом ярусе? Куда угодно, по большому счету, кроме тех мест, где тебя будут ждать. Отпадают галереи скафандров, шлюпочные ангараы, любые зоны, так или иначе связанные с оружием... конечно, к стрелковым арсеналам, артпогребам и арттрубкам ползет один только патентованный псих, но он будет как раз в том диапазоне психоза, который очень тонко и нервно секут в ОАБ...

Саша запустил предельную скорость логических расчетов, на какую только был способен. Кожей чувствовал: задерживаться на открытом месте нельзя, а где спрячешься посреди корабельного марша, когда тебя видно, как избушку на голом бугре? Врасти в межъярусное

перекрытие? Заползти в электронную начинку дверного замка? Стать радикально прозрачным?

Опасность холодом текла по пальцам, опасность ласково ерошила волосы.

Трюмы? Его станут искать там если не в первую очередь, то уж во вторую – точно. Безлюдные складские помещения очень удобны и для тех, кто прячется и для тех, кто идет искать... Ни в коем случае.

Прятаться надо там, где много людей, где люди бывают постоянно, где никто ни к чему не присматривается, поскольку вся обстановка давным-давно знакома. Нужны вода, пища и выход в компьютерную сеть. И еще там должно быть достаточно места, чтобы спать, не превращаясь в спелеолога-экстремала...

Когда-то Сомов-младший мечтал о карьере флотского офицера... в смысле, конечно, адмирала. А потому знал, где на терранских орбитальных станциях технические сектора, где административные, где жилые и где боевые. В общих чертах, конечно. «Бялы Палац» в этом смысле не представлял собой ничего диковинного. И Саша имел представление, куда ему следует сунуться, но... все эти райские местечки были под запретом. Их наглухо запирали отсутствие идентификационной карты. Любой из тысяч людей, постоянно обитавших на станции, обладал счастьем свободного перемещения. И никто, наверное, не задумывался, какое это великое благо – перемещаться свободно... С помощью игрового ключа, за два года навороченного так, что иногда Саша сам побаивался этой железяки, он мог поставить на уши всю станцию двумя дюжинами способов – если не думать, разумеется, а если задуматься как следует, то на репетицию Армагеддона потянет... Но при всех супер–мега–гигавозможностях игровой ключ пасовал перед простыми тупорылыми реле своей/чужой, в которых электроники с гулькин нос, либо же просто нет. Более того, пропускные реле установлены в таких местах, где люди ходят круглые сутки. Одним словом, в очень бойких местах. И появиться там в гражданских тряпках – значит спалиться в один момент.

Время уходит. Уходит проклятое время.

Оп-ля! В сущности, лучшей подсказки ему и не требовалось. У флотских идентификационные карты вшиты *прямо в форму*. Нижняя часть рукава, раньше куда-то туда вставлялся архаический механизм под названием «запонки», – о нем Саша знал из художественных программ, и назначения его так и не понял.

Дальнейшая последовательность операций выстроилась сама собой.

Саша действовал без промедления. Он метнулся в сторону жилого сектора, где должны были располагаться каюты и кубрики комендоров. Ну... эти? нет... эти? да нет же... Время, время! Во-от они, миленькие. Два длинных марша – одни сплошные комендородобиталища. И все те, кто тут живет, разумеется, по тревоге засели в артиллерийских рубках. Нет их тут. Нет, слава Богу, нет никого...

Он вскрыл игровым ключом одиннадцать дверей.

Так-так-так. Тут... можно взять голопласт с полуголой девицей... попка у нее обнажена... совершенно неортодоксально. Тут... деньги прямо на столе... извини, незнакомый друг... Тут... пара вечных микроаккумуляторов... Тут... о, наконец, как раз то, что и требовалось. Большой кубрик. Шкаф с парадной формой на целую батарею... ну, не только с парадной, еще кое-какие одежки... но сейчас здесь висели в основном парадки, поскольку комендоры, как им и положено, разбежались по своим постам в повседневной форме. Отлично. Саша выбрал ту, которая, на взгляд, подходила ему по размеру, вытащил из шкафа еще три комплекта, набил карманы разнообразной мелочью, как будто имевшей некоторую ценность, и был таков.

«Господи, услышь меня! Прости мне это дурацкое воровство, пожалуйста! Ты, знаешь, мне вся эта дрянь совсем не нужна, я без нее обошелся бы. Верну деньгами, как только... как только... в общем, как только все встанет на свои места. Прости, Господи, хорошо?» С

этою молитвой Сомов-младший загрузил бытовой утилизатор тремя комплектами парадной формы, голопластом с попкой, да кое-какой иной дребеденью. Управившись, он втопил клавишу «Сброс».

«Вы действительно хотите утилизировать полный объем предметов, которые...»

– Да! – крикнул Саша и втопил клавишу «Подтверждаю».

«Утилизировано».

Теперь весь сектор будет искать ушедшего мерзавца, обокравшего боевых товарищей, покуда они куковали на постах. Мелкое подлое ворье, оно найдется всегда и везде... «Слава Богу, на Терре уже давно никого не линчуют. Лет тридцать как... Или сорок?» Кто станет вдумываться в факт исчезновения одной парадки, когда их пропало четыре, плюс целая фаланга инакопострадавших?

...На Сашу никто не обратил внимания, когда он прошел в пищеблок жилого яруса не далее чем в двух переходах от кубрика, где их с мамой и Варькой содержали. Невысокий комендор в лейтенантском звании... да мало ли на станции малорослых лейтенантов?

Он устроился на продовольственном складе при пищеблоке. Кому положено, заходили туда круглые сутки. Но если пораскинуть мозгами, то на складе нетрудно было отыскать закутки, абсолютно не-посещаемые в определенные часы. Саша справился с этой задачей быстро, хотя вначале пришлось побегать, и побегать резво. Он возносил Богу и всем святым слова горячей благодарности, за то, что на Терре-2 отменили принудительную чипизацию детей. Отец вот, носит чип, говорит, мол, привык, а у Саши его уже нет. Разумеется, он не видел и не знал, что творится на станции, но это не беда: игровой ключ в любой момент позволит ему соединиться со станционной сетью... Зато и станция *не видела* Сашу.

Пищи и питья у Сомова-младшего теперь было хоть отбавляй. Времени для спокойных уединенных размышлений тоже хватало. Некоторые сложности просматривались по линии... мм... вторичного продукта... но сведущий человек всегда сумеет договориться с со штатным утилизатором... А что еще нужно нетребовательному человеку? Молока птичьего? Так не сезон доить страусов... Одним словом, Саша залег как надо, можно сказать, фундаментально. И теперь, когда удалось занять комфортабельный плацдарм, где он мог бы предаться аналитической стихии, у него появилась возможность разработать философию ситуации. Философию сопротивления, если угодно. Ибо тактика без философии – ничто. Дом на песке.

Собственно, философия напрашивалась сама собой. С детства Саша представлял себя летящим на космическом корабле. В полном одиночестве. Разумеется, он был обеспечен всем необходимым, однако сумел бы, выйдя за пределы корабельного пространства, восполнить любого рода запасы, если они исчерпаются. Кстати, Саша не находил для себя иных причин для выхода. Более того, он не находил ни малейших причин кого бы то ни было пускать на свой космический корабль. Были, конечно, некоторые исключения. Это мама, папа, сестра и Данута Охманьская, располагающая неопровержимыми достоинствами. Одному мужчине и трем женщинам следовало все-таки обеспечить доступ внутрь... По трем причинам. Во-первых, они располагали данными о ситуации за бортом; у самого Саши имелась аппаратура наблюдения, однако, она не была совершенной; между тем, скоростное изменение забортовых условий потенциально могло привести к аварии или иной угрозе; логично, таким образом, было иметь своих агентов *по ту сторону* корабельной брони. Во-вторых... это совершенно нелогично, однако ему было бы больно отрываться от этих людей. Возможно... возможно... люди внешнего мира подобные чувства называют любовью... Впрочем, сфера любви нуждается в дополнительном анализе. Наконец, в-третьих, и, наверное, главное, Александр Сомов имел принципы. Когда ему было одиннадцать, и даже когда ему было двенадцать, он был лишен принципов. И вся его жизнь, если брать по большому счету, была метаниями бесплотной души в воздухе. Ничего твердого, ничего достаточно проч-

ного, помимо, быть может, стен корабля, но они не в счет. Из готовых стен ничего построить уже невозможно. А он желал построить нечто... нечто свое. Нечто, способное быть фундаментом для Я. На протяжении нескольких лет он как будто загребал невидимыми руками воздух и пытался лепить из него... дом? статую? овеществленную абстракцию? Да хоть что-то! Воздух иногда искрился, словно горсть самоцветов, иногда по нему пробежали радужные разводы, а иногда невидимая субстанция на миг принимала образ тверди; напрасно. Все напрасно. Воздух не держит смысл, смысл тяжелее воздуха. Интуиция подсказала Саше: надо нечто принять на веру, и это будет первопринцип, незыблемая отправная точка. Ему нравилась экзистенциальная философия XX века, эсхатологический романтизм XXI-го, классический скептицизм и христианство. В течение года Саша анализировал, чему правильнее было бы отдать себя. В конце концов он принял как данность, что Бог существует, и существует он именно в таком виде, в каком представляет его христианство. Иными словами, он додумался до Бога. Потом он открыл для себя принцип иерархии правил. В сущности, очень простой принцип: если существует строго определенная высшая точка, под ней непременно образуется длинная лестница логично подчиненных и соподчиненных смыслов. Одно тянет за собой другое.

Простейшие производные от христианства сами собой пришли на ум: родителей, сестру и девушку, с которой время от времени спишь, надо любить. Производная посложнее: надо, положась на Бога, делать дело, и дело это хорошо бы тоже любить. А без любви ничего порядочного не выйдет.

Отец как-то произнес фразу, подаренную ему самому много лет назад неким Вяликовым, видимо, военачальником исключительно высокого качества: «Для вас важнее всего должны быть три вещи: Бог, семья и служба». Вяликовская формула – в сверхсокращенной форме, разумеется, – содержала в себе ключ к весьма сложной системе. А Саша очень любил сложные системы и знал толк в ключах к ним. Этот ключ определенно был хорош... Вот и выходило совершенно точно: перед некоторыми, самыми близкими существами *не надо здравивать люки*.

Некто наверху – и Сашу не интересовало лицо, имя и звание – искажил систему фундаментальной ошибкой. Ради того, чтобы Сомов-старший успешно исполнил свою службу, его семью заставили страдать. Выходило очевидное искажение: *семья против службы*. Так не должно быть, это преступно, это даже хуже, чем преступно... это... нелогично! И главный смысл философии сопротивления, разработанной Сомовым-младшим состоял в исправлении ошибки, в возврате всей системы к нормальному режиму функционирования. Сформулировав для себя генеральный принцип: «возвращение к норме», Саша вздохнул спокойно. Теперь главное было сделано – теория охватила реальность и придала ей жесткий каркас. Оставалась ерунда. Меньшая и наименее важная часть работы. Изменить самое реальность.

Саша был совершенно уверен: когда достигнуто адекватное понимание генерального принципа, все прочее нетрудно исправить несколькими точечными ударами. Тут и беспокоиться-то особенно не о чем...

На философию у него ушли сутки. Для тактики потребовалось втрое меньше. Впрочем, как обычно. Стоило Саше отыскать концепцию чего угодно, лишь бы это «что угодно» всерьез интересовало его, и он всякий раз чувствовал, как распаивается в нем полузапретный шлюз, запиравший чудовищную, беспощадную энергию действия. Да, он пребывал в том благословенном возрасте, когда двенадцать давно за кормой, а до семнадцати еще плыть и плыть. Кому в таком возрасте не кажется, будто море – по колению и горы – по плечу! Однако годы тут были ни при чем. Просто таков уж был Сашин внутренний механизм: верно найденное решение перестраивало его, превращая в необратимо падающий топор.

Итак, Сомов-младший считал себя нетребовательным человеком; но когда он выходил на курс атаки, прощаясь с обычным состоянием полуоцепенения, у него отпадала необходимость во всем, кроме препятствий... обреченных на ликвидацию.

...Он сидел на горе продуктов – чуть ли не в буквальном смысле, – но мог не есть на протяжении нескольких дней. Ему не составляло труда работать по двадцать часов в сутки. И еще он был способен не спать два дня, три, четыре – столько, сколько понадобится для подготовки *прямого действия*...

Глава 2

Четыре червовых дамы

21 декабря 2140 года.

Борт штабного корабля «Аргентина».

Виктор Сомов, 44 года..

Адмирал Сомов не спал четвертые сутки.

Давным-давно, когда он был еще маленьким, бабушка от нечего делать показала ему старинный земной способ тратить время напрасно, а именно эквилибристику с картами. Пасьянс. Гадание десяти видов. И самую простую девичью считалку с загадом на любимого – бубнового короля. Ну, или червового, если девушка втрескалась в зрелого мужчину... Насчет трефового и пикового королей бабушка ничего рассказывать не стала, мол, не твоего, Витенька, ума дела. Мол, когда подрастешь. Но стоило Сомову подрасти, и у него совершенно пропала охота раскрывать королевские тайны...

Все гадания забылись. Но когда Сомов хотел сосредоточиться на чем-нибудь важном, он брал карты в руки и машинально раскладывал пасьянс. Или вынимал карты из колоды, бесконечно прокручивая считалку с загадом... на червовую даму. На Катеньку.

«Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет – к черту пошлет – любит искренне – сомневается – ждет таинственно – насмехается – любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет – к черту пошлет – любит искренне – сомневается – ждет таинственно – насмехается – любит – не любит – плюнет – поцелует...»

Вот и сейчас он сидел в адмиральской каюте сверхсовременного штабного корабля «Аргентина», каковой пришлось отобрать у командующего объединенным терранским космофлотом, чуть было не утратившего от такой наглости здравое разумение, и задумчиво тасовал карты.

«Любит...»

Итак, в системе Терры-9 находилось целых восемь поисковых эскадр: во-первых, собственно терранская, во-вторых, женевская, в-третьих, Латинского Союза, в-четвертых, Российской империи, в-пятых, Поднебесной Империи, в-шестых, Аравийской Лиги, в-седьмых, Нового Израиля и, в-восьмых, Нью-Скотленда. Даже восемь с хвостиком, если считать один легкий крейсер и четыре корвета под флагом Новой Швеции – единственного государства на конечной планете Лабиринта...

«Не любит...»

Силы Терры-2, подчиненные теперь ему, получили длинное условное название «чрезвычайный поисковый контингент группа флотов А». Терранская эскадра по суммарной артиллерийской мощи превосходила латино, новых шотландцев, евреев и, разумеется, новых шведов. С аравийцами – примерно поровну. Женевцы, китайцы и Российская империя – сильнее.

«Плюнет...»

По десантным ресурсам выходили совсем иные расклады. Тут сильнее всех были китайцы, женевцы и Терра-2. Один-единственный раз показали всему свету, что может терранский десант – когда умиротворяли Совершенство – и надолго впечатлений хватило... Всем.

«Поцелует...»

Латино не хватает дисциплины, впрочем, как и арабам. У евреев перевооружение в самом разгаре: раньше пересадить штурмовые отряды на современные челноки не удосужились, видно, денег пожалели, а теперь поздно переучивать личный состав. Евреи, не жалейте

денег... Парни с Нью-Скотленда все больше техникой норовят взять, для хорошей штурмовой драки у них куража не хватает. Новые шведы – вообще не в счет. Самый лучший и верный союзник – Российская империя – всем хороша, только не десанниками. Сто лет назад она богата была энергичным и необузданным безумием. Потом самых энергичных, самых необузданных и самых безумных тихо-мирно отправили на Венеру, на Рею, на Европу, а кое-кого и на Терру. Так что теперь природные русские с планеты Земля – народ, состоящий из спокойных и очень спокойных людей с прагматичным складом характера и созерцательным подходом к миру... Сомов припомнил, как разъяснял ему тонкую науку футуроисторию Хосе Лопес: «...амиго, ты пойми, развиваться можно по-разному. Быстро, например, или медленно... Причем если быстро, амиго, то обязательно – неведомо куда. Как полтора века назад, например. Они там коллективно посвихивались всею планетой и летели галопом, не думая: зачем? – и не глядя, куда... Или вот как сейчас Женевская Федерация... В смысле, сами не знают, куда, но зато медленно и осмотрительно, продумывают каждый шаг, амиго. Мы все сейчас медленно развиваемся, Витя. Медленнее, чем полтора века назад, медленнее, чем сто лет назад... Либо заселять космос, либо... это самое быстро. Я правильно по-русски сказал, Витя? Аха. Вот как... Ну, дальше слушай. Медленно тоже можно по-разному, амиго. Можно вширь. Как мы, чумовитые. Также правильно? Аха. Вот как... Иди-ка ты, амиго, подальше со своими советами. Нет у меня способностей к языкам, так что всегда говори мне, что я правильно говорю... Ну, дальше слушай. Можно развиваться медленно и вглубь. Нью-Скотленд полез вглубь, в науко-технику... Правильно я сказал по-рус... Аха. Вот как... Я, значит, пошел со своими вопросами. До чего вежливые у меня друзья в Русском секторе! Ладно, ты дальше слушай. Российская империя развивается медленно и вглубь. Но не как в Нью-Скотленде... Мы рвемся во все стороны, нам звезды нужны. Они там, в земной России, тоже очень крепкие и правильные ребята, но идут они не к звездам, а в монастыри. Говорят, душа важнее звезд...» Нет, такие насмерть драться, жизни класть за землю – не полезут, не та у них повадка. Очень уж там человек ценят – каждого по отдельности и всех скопом – поэтому тратить людей оптом не станут. Да и перенаселения в Российской империи не было никогда, сплошное там у них недонаселение... Так чего ради поданным Его Величества императора и самодержца всероссийского Даниила IV понапрасну головы на кон ставить? Это у нас народ поглубже, да и погорячее тоже.

«К сердцу прижмет...»

Выпала червовая дама. Сомов прикоснулся к атласному ее лику губами – так, как поцеловал бы Катеньку... как прижал бы к себе Катеньку...

Не думать!

Поехали с начала:

«Любит...» Конечно, любит. Как же ей не любить?

...понапрасну головы на кон ставить? Но зачем-то они пришли, ведь так? Не нужна им территория у черта на куличках... или, скажем так, не очень нужна... но ведь пригнали же они самый цвет своего ударного флота. Чего ради? Да, десанты их, может, и не лучшего качества, а все ж целых сто двенадцать тысяч: четыре корпуса и три имперских штурмовых бригады, легион с Русской Венеры и еще одна бригада с Русской Европы – единственная, пожалуй, по-настоящему сильная, с опытом боевых действий... 1-я, Шматовская... Значит, собираются драться всерьез.

«Не любит...»

Сомов мысленно сотворил закладку: крепко поразмыслить о господах россиянах. Как будет сподручнее действовать с ними заодно...

«Плюнет...»

Техника поиска и перехвата чужих поисковых сведений лучше всего была у Нью-Скотленда. Тут и думать нечего, абсолютный лидер.

«Поцелует...»

Женевцы, китайцы, евреи, терранцы родимые и все та же Российская империя делят места со второго по шестое, идут дышло в дышло, и синезоб его знает, кто кого обгоняет на полкорпуса. Новые шведы тоже сильны, но их мало. Они, сказать по правде, *вообще не в счет*. Новые арабы и латино по технической части особых заслуг не имели никогда.

«К сердцу прижмет...»

Трефовый туз. Печальная казенщина.

...Если честно «отработать номер», то есть искать, как искали до него Мендоса и Бахнов, а потом с открытым забралом полезть в общую свалку, надеясь успеть к выносу пирога, уцелеть при его дележе и отхватить нестыдный кусок, шансы на успех – более чем сомнительные. При прочих равных условиях тактические аналитики сулят вероятность выполнения задачи от 24 до 45 % из ста.

«К черту пошлет...»

Очень хотелось выпить. Впрочем нет, хотелось не выпить. Хотелось надраться в дым, до потери памяти, чтоб душа оглохла и ослепла, потеряла чувствительность к боли и свернулась калачиком, наподобие спящей собаки.

Нет для мужика пытки горшей, чем ощущать собственное бессилие.

Не думать!

«Любит искренне...»

Еще раз перебрать все мыслимые и немыслимые варианты коалиций. Собственно, в последний момент каждый будет за себя и очень, очень не хочется лезть в драку со старыми добрыми союзниками. С той же земной Россией или, скажем, с Латинским союзом... Да Поднебесная врагом Терры никогда не числилась; с китайцами можно иметь дело... если, конечно, ты силен. Это все свои или почти свои. Скажем так, в большей или меньшей степени свои... Ладить с ними надо бы, искать союза и поддержки, самим поддержать, если потребуется.

Одна подлая мысль никак не умещалась в голове у Сомова. Ну хорошо, завоюют они что-нибудь вместе с российской эскадрой, или, скажем, с эскадрой Латинского союза, а потом потребуется найти подходящий момент и перерезать глотку вчерашнему другу... Потому что главная тонкость науки космополитики такова: места под солнцем на всех никогда не хватит. Господи, научная, конечно, мысль, но до чего же грешная! Вроде бы у одного английского дипломата была любимая поговорка: «Нет друзей, нет врагов, есть интересы». Как же так? Чего ради русский православный мужик из Ольгиополя будет наводить арткомплекс на русского православного мужика из Москвы? Чего ради добрый католик-латино из Рио-де-Сан-Мартина будет стрелять по такому же доброму католику-латино, родившемуся на Церере или, скажем, где-нибудь в Чили?

Сомов не умел смириться с отсутствием благородства в политике. Это какая-то неправильная политика, если нет в ней благородства. Не нужна ему была такая политика. И выходило до того нехорошо, что хоть святых выноси: либо сделаться вторым Масловым, только поменьше размером, либо провалить дело и погубить семью...

Давным-давно, полтора десятилетия назад, еще в училище, он высказал все это двум другим курсантам. Один ответил ему: «Да ты, брат, наивный как девица до первой постели. Нельзя быть таким наивным». А второй задумчиво прокомментировал: «Что за жите, когда нельзя позволить себе быть наивным! Скотское жите». С тех пор Сомов не высказывался на эту тему, но думал совершенно так же, как тогда. И теперь он положил себе молиться каждый день, прося у Всевышнего ту узкую и тесную щель, по которой можно проползти между поражением и предательством.

«Сомневается...»

Блоки, на которые могли пойти враги старые и патентованные или нейтралы, в общем, тоже были ясны. Женевцы когда-то вырастили покорного голема в виде Аравийской Лиги. Голем разросся и обрел подобие самостоятельной воли, но прежним хозяевам, хотя и влазивая порой, и даже покусувая, остается все-таки верным. Эти будут вместе. И, может быть, аравийскому псу достанется кусочек хозяйской добычи... если, конечно, женевам будет, чем делиться.

Новые шведы ни взять новую территорию, ни, главное, удержать ее, разумеется, не смогут. Силенки не те. Терра Эсхата – приз не для слабых. Год назад женевцы разбили в щепы маленькую эскадру греко-балканского царя Георгия Карамаякиса. Полгода назад Бахнов вежливо предупредил адмирала Центральноафриканской республики, сунувшегося было со своими калошами к серьезным людям. *Исключительно вежливо*. Всего тремя залпами. Месяц назад сердитые парни под флагом Латинского союза расстреляли королевский индонезийский крейсер, а ноту протеста его величества Али V Непобедимого послали подальше. Новых шведов не прогнали до сих пор по одной только причине: некуда. Они же хозяева на Терре-9, можно сказать, местные... Не нужны новошведские корветы никому, и никто не поделится с их владельцами. На что они вообще надеются? На счастливый случай?

«Ждет таинственно...»

Две независимых державы: Новый Израиль и Нью-Скотленд... А вот эти, пожалуй, могут договориться. В Старом Израиле, то бишь, просто Израиле, правит раввинат и царь, им же, раввинатом избранный. Это государство по-иудейски очень благочестиво. И там иудеев считают душой мира, а главной целью всего народа – сохранение древних традиций в неприкосновенности. Для чего, разумеется, соблюдают строжайшую изоляцию и полное невмешательство в чужие дела. В Новом Израиле – президент, парламент о двух палатах и полный государственный атеизм. Тут иудеев считают разумом мира, а разум должен быть свободен от всяческих религиозных бредней... Главная цель – экспансия. Один народ и два столь непохожих друг на друга государства! Благочестивый отец и блудный сын... Прежде Сомов удивлялся: как возможно такое? А потом додумался: один Господь ведает, когда «папа» и «сынок» решат слиться в одну семью. В сущности, понадобится всего один день – для голосования новоизраильского парламента... И тогда на политическую арену выйдет сверхдержава во всем блеске. Может быть, «сынок» только притворяется «блудным», а на самом деле просто ушел на заработки? Впрочем, это все догадки. А пока атеистам Нью-Скотленда совсем нетрудно будет договориться о взаимной помощи с атеистами Нового Израиля.

«Насмехается...»

Выводы неутешительные. Даже если получится объединить усилия Терры-2, Российской империи, Латинского союза и Поднебесной (что вряд ли), это не даст перевеса над женево-арабским тандемом. Да и перевес над нейтралами также не выглядит решающим...

«Любит...»

Кабы можно было разделить Великое Искомое на восемь равноценных частей и на том успокоиться! Ан нет. *Так мало* никому не нужно. Каждому из восьми главных интересантов требовалась вся планета. На худой конец – половина. И уж самый край – треть.

«Не любит...»

Сомов за трое суток со времен памятного разговора вбил в себя столько всего по Терре-10, что порой ему казалось: вот... вот... скрипнуло что-то... ай-яй-яй... уж не чип ли родной, вмонтированный еще во младенчестве, выгибает переборки под давлением информационных потоков? Первым номером во всей этой многотомной пестроте стоял секретный протокол Афинского саммита «большой восьмерки» от 11 августа 2139 года. Там четко зафиксировано: хозяев у конечной станции Лабиринта будет не более трех. Все прочие, менее проворные, отказываются от любых претензий на Терру Эсхату.

«Плюнет...»

Всем страшно не хотелось новой серьезной войны. В 60-х, восемьдесят лет назад, когда начались первые войны в космосе, многим казалось: если действовать быстро и слаженно, можно кое-чего достичь. Постепенно пришло осознание – средства защиты несоизмеримы со средствами нападения. Атакующий в девяти случаях из десяти наносит на порядок более серьезный урон, нежели обороняющийся. В 2128-м женевский стратег Петер Вальд разработал концепцию «выпада возмездия», и все с ним согласились: в сущности, это возможно... Слабый, явно проигрывающий противник доставляет на орбиту вражеской метрополии «брандер», то есть судно с особенной начинкой. Любой вид современного ОМП. Или хотя бы детонатор ЭМИ-цунами...⁷ Одного взрыва хватит, чтобы похоронить целый континент. Год спустя новые арабы опробовали идею на Русской Европе и одним только чудом Божьим не добились успеха. Три года спустя секта новых левых с Совершенства подорвала одновременно три брандера. «Молодой хищник», буквально нашпигованный синтезаторами антиматерии совершил аварийную посадку в космопорте Дэ на Терре-3. В результате Поднебесная улучшила свою демографию на пятнадцать миллионов человек... «Забриски Пойнт» с тем же грузом посетил женевскую факторию Свамивиль на Обероне. Один из эвакуаторов как-то поделился с Сомовым впечатлениями: «В страшном сне не привидится, как выглядит человеческая плоть, вплавленная в литоморф...» «Одинокий волк» с детонатором ЭМИ-цунами вырубил информационную сеть на астероиде Интерамния, принадлежащем Российской империи. Там отключилось девять десятых техники. А ведь астероид это такая штука, где воздуха нет, воды нет, пищи нет, дров нет... И удрать с него нельзя, потому что корабельная техника *тоже отключилась*. Спасатели успели эвакуировать не более трети тамошнего населения. Совершенство считалось самым незаконным местом во всем Лабиринте, однако героев Тройного инцидента, всех до единого, отыскали там в течение двенадцати часов, предали казни через... через...лучше не думать, через что именно, а кусочки тел, поделив на три равные части, выдали правительствам пострадавших держав. Петер Вальд, узнав о блестящем подтверждении своей концепции, незамедлительно застрелился.

«Поцелует...»

Лучшие, самые надежные системы слежения за космическим пространством (женевские, по правде говоря) на пике эффективного функционирования способны фиксировать не более 17 % необходимого для полной гарантии от «выпада возмездия»... Для терранских сил противокосмической обороны предел – 11 %. И если Вальдова стратегия в полной мере удалась жалкой террористической группке в триста человек, то у любой сколько-нибудь значительной державы в тысячу раз больше возможностей организовать все то же самое, только в другом месте и в другое время. Именно поэтому ни одна из таких держав не стремилась к серьезной войне.

Именно поэтому сын Петера Вальда, Франц Вальд, специально для ситуации вокруг Терры-10 предложил концепцию «игрушечной войны». С некоторыми оговорками, именно на ней строится афинский протокол.

Основную идею Сомов усвоил отлично: «игрушечная война должна быть строго ограничена во времени и пространстве. Тот, кто не соблюдает принцип номер один, становится изгоем, врагом для всех.» В полном соответствии с этим условием, сразу после того, как будет открыт ОП на Терру-10, проникновение любых военных кораблей в систему Терры-10 рассматривается как нарушение протокола. ОП закупоривает внушительная международная эскадра, набранная примерно в равных долях во флотах восьми главных интересантов. Дабы не было даже чисто теоретического соблазна нарушить общую договоренность. Эскадра подчиняется гражданину Белой Южной Африки, вице-адмиралу Максиму Лескинену, полу-

⁷ ЭМИ – электромагнитный импульс.

македонцу-полуфинну, англиканину. Его соединение с сентября 2139 года живет на сборные деньги. И существует оно с одной единственной целью: отгонять от ОП'а на Терру-10 всех, пока «игрушечная война» не закончится. Иными словами, война будет вестись исключительно силами поисковых эскадр, которые будут присутствовать на момент открытия ОП'а. Ни кораблем больше! Лескинен, по идее, должен пропустить соперников внутрь и, далее, организовать работу ОП'а по схеме нулевой вход – неограниченный выход. Соответственно, из «большой гонки» постепенно выпадут те, кто исчерпает боевые ресурсы быстрее прочих.

Второе условие выдумали теоретики российского Генштаба. Концепция «второго тура» – ее Сомов знал не хуже принципа номер один. «Сохранность „приза“ – прежде всего», – заявил представитель Российской империи в Афинах. А если за планету начнут не на жизнь, а на смерть драться восемь десантных армий, из которых пять должны быть с течением времени вчистую выбиты, они одним лишь конвенционным оружием обезобразят «приз» до состояния полночного кошмара. Итак, во «втором туре», то есть операции на поверхности Терры-10, участвуют не восемь, а только пять конкурентов. А именно те, кому удастся раньше остальных высадиться на планете, установить стандартный маячок и отправить с поверхности сообщение об этом. Проще говоря, «застолбить» участок. Опоздавшие могут сразу отправляться домой. А дальше... кто останется в живых, тот и прав.

«К сердцу прижмет...»

Червовая дама скромно потупила очи.

Сомов от изумления машинально выложил еще одну карту. Червовый король. Точно. Точнее не бывает: эта пара не должна расставаться. Ни при каких обстоятельствах. Когда червовая дама и червовый король расстаются, это может означать только одно: в мироздании завелись черви... Они просто обязаны быть вместе, потому что иначе весь мир вывернется наизнанку.

Да не думать же... Давай-ка начнем сначала.

«Любит...»

Звездная экспансия... как же бюрократия вся эта ваша звездная экспансия!

Сомов сделал несколько совершенно очевидных с его точки зрения ходов. Удивляясь, отчего они не столь очевидны с точки зрения Мендосы, Бахнова и командования флотом.

«Не любит...»

Во-первых, он прямо с Терры отдал приказ четырем устаревшим кораблям отправляться назад. Во-вторых, он именем Маслова вырвал для поискового контингента 1-ю и 3-ю крейсерские эскадры. Начштаба космофлота кричал на него, почти визжал. Мол, оголяешь Терру-2, ради карьеры своей оголяешь, сволочь, у твоей, мол, гад, родной метрополии обороноспособность теперь будет не к дреням... И мог бы ему Сомов объяснить, что соседям просто нечем всерьез ударить по Терре, так как они сами вытащили все, что можно, в состав поисковых соединений. И мог еще сказать, что карьера тут ни при чем. И мог бы спросить, какой дурасти для Терра до сих пор не выперла эти эскадры в... Но он был слишком военным человеком, чтобы опускаться до разъяснений, и вместе длинной тирады произнес два единственно необходимых слова: «Это приказ». В-третьих, новоиспеченный вице-адмирал заполучил в свое распоряжение этот штабной корабль. Чудо-корабль. Корабль-сказку. Рассчитанный на командование всем терранским флотом и снабженный такими средствами связи, какие простому линейному крейсеру подходят не больше, чем взрывчатка подходит удочке – вместо крючка с червяком, или, скажем, блесны. Комфлота и Сомов долго играли в гляделки, и опять-таки можно было напомнить: флот-то на три четверти ударных соединений теперь будет именно там... «Это приказ». В-четвертых, Сомов забрал две бригады рейдеров, предварительно распорядившись увещать их поисковой аппаратурой. Начальник оперативного отдела флотского штаба вежливо, очень вежливо, как буйно-помешанному маньяку с послужным списком особо опасного рецидивиста, задала вопрос: «Какого... (пауза) зачем

тебе... (пауза) господин вице-адмирал, понадобились эти... (пауза) корабли? Они ведь предназначены для... (пауза) работы на коммуникациях противника». И посмотрела на него, *глазами* заполняя все паузы до отказа. «Вы правы. Но это приказ». В-пятых, Сомов пополнил поисковый контингент огромной непрошибаемо-толстобронной станцией противокосмической обороны. Очень старой. С чудовищно маленьким запасом хода. Когда-то у Терры-2 на вооружении состояла целая серия броненосцев ПКО: «Люнет», «Редан», «Флешь», «Куртина», «Бастион», «Редут»... и так далее, всего двенадцать штук; остался один «Бастион», на котором теперь впору музей оборудовать... Вместе с ним пошел в систему Терры-9 транспорт-дозаправщик. Тут никто ничего не спрашивал, быстро сообразили: имеется какая-то особенная задумка у новенького вице-адмирала; а станция... да проку в ней немного, пускай забирает. И верно, задумка имелась. А для начала он набил станцию и транспорт штурмовиками из 4-й бригады. Наконец, в-шестых... В-шестых ему пришлось объясняться с самим Масловым. Общий смысл беседы: «Я сквозь пальцы смотрел на все ваши... хотя руководство флота считает... и лишь мое доверие к... но откуда вы узнали о существовании проекта ДДК?» – «Откуда узнал, не скажу... поверьте, надо... не просто так... готовлю сюрприз...» – «Да черт с вами... забирайте». Откуда он, бывший полноправный член гильдии терранских корабелов, сохранивший там целую кучу друзей, знает о постройке на верфях Русского сектора сверхсекретной серии десантно-диверсионных капсул? Пусть угадают с трех раз...
«Плюнет...»

А ведь, наверное, шеф ОАБ, которому подчинялось соответствующее подразделение (да-да, именно ему, а флот о таком и слыхом не слыхивал!), впал в меланхолическую задумчивость, узнав, что более проект ДДК не в его власти, и утащил драгоценных спеццов и не менее драгоценные капсулы некий паршивый вице-адмиралешко, которого и разглядеть-то без увеличительного стекла невозможно. А паршивый вице-адмиралешко цапнул ДДК, не имея точного плана, как оное подразделение использовать. Так, брезжила одна идейка, да и то... в общем, на крайний случай.

«Поцелует...»

...Что ж, корабли, союзы и кое-какие подковерные возможности он, можно считать, перебрал. В первом приближении. И теперь надо перебрать людей. А это тебе не корабли, это тебе не железки, так что простой считалки с загадом точно не хватит. Тут, знаешь ли, пахнет гран-пасьянсом и колодой в 54 карты...

«К сердцу прижмет...»

Сомов почти ждал ее появления. Но в последний момент почему-то забыл о своем ожидании...

Бо-о-ом-м-м! Здравствуйте, милая госпожа, с лицом, закрытым вуалеткой и алым сердечком, плавающим в воздухе у самого носа. Неужто болит, неужто кровоточит ваше сердечко?

Крепко выругавшись, Сомов перетасовал колоду и заложил новый вираж, не пытаясь одновременно размышлять над тактикой и стратегией: «Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет...»

Ба! Червовая дама.

Еще разок: «Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет...»

Червовая дама...

Не может быть! Просто не может быть... Тщательнее тасовать надо! «Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет...»

Она, родная!

«Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу прижмет...»

Она же...

«Любит – не любит – плюнет – поцелует – к сердцу при...»

Червовая дама улыбалась ему с печальной загадочностью, нюхала неопределенного рода цветок, вроде терранской тигровой ромашки с шевелящейся бахромой на лепестках, и упрямо не позволяла кому-нибудь другому прижать адмирала Виктора Сомова к самому сердцу.

– Ты с ума сошла, любимая...

...действительно подмигнула или это ему показалось? Когда не спишь трое суток с хвостиком, глаза могут впасть в чувство юмора. Одна мысль тревожила Сомова: кто сим шуткам виновник? Бог его ободряет или бес морочит? После краткого размышления адмирал выбрал первый вариант. Бес обязательно придумал бы что-нибудь гадкое, злое, а гадкое и Катя никак не вязались в один узелок.

Но карты он все-таки отложил. От греха подальше. А то ведь, неровен час, машинально прочтает над простецкой колодой простецкую считалку четыре раза подряд, опустит взгляд и увидит на столе четыре червовых дамы...

Глава 3

Королева штурмовиков

21 декабря 2140.

Борт штабного корабля «Аргентина».

Виктор Сомов, 44 года, и Маргарита Бондарь, 40 лет.

Боже, как она заходит в каюту! И ведь, мерзавка, уже двадцать лет на флоте, а к начальству всегда заходит именно так.

Шаг вперед. Шаг в сторону. Длинные ресницы – хлоп. Каблуки – шелк... Впрочем, нет, эта форма одежды не предусматривает каблуков, которые – шелк, это на поверхности они шелк, а в космосе всякий флотский будь добр носить полусапоги с магнитной начинкой, от которых щелчка не дождешься, не для шумовых эффектов проектировались... Просто нога бьет о ногу, да и все тут. Еще один шагок в сторону, несколько неуставной, прямо скажем. Впрочем, этот шагок, наверное, единственное, что осталось в ней неуставного... Она никогда не хотела быть на виду. Она всегда старалась не привлекать лишнего внимания к собственной персоне. Поэтому шагжки в сторонку делала инстинктивно, пытаясь избежать прямого начальственного взгляда. Нет, она не боялась начальства, просто чувствовала себя не в своей тарелке. Существует особая порода людей, наделенных от природы щеголеватой ловкостью в общении с боссами любого сорта. Так вот, она относилась к прямо противоположной породе... А потому неизменно стремилась сократить общение с командирами до естественно необходимого минимума. Форма на ней сидела, как влитая, пуговки-кантики-шеvronчики на своих местах, того размера, цвета и материала, какие требовались по инструкции; никакой флотской вольницы. Впрочем, чужой выпендрож она обыкновенно прощала. Власть ей давалась легко: она просто всегда соответствовала месту, которое занимала. Никогда не пыталась думать выше своей компетенции, но в то же время, не бралась делать работу своих подчиненных. Поднявшись на ступень выше, она в самом скором времени опять находила точное соответствие новой должности... Она не считалась безумно храброй и уж конечно не подавала ни малейшего повода для разговоров о какой-нибудь там нерешительности или, избави Боже, трусости. Ее храбрость и осторожность каждый раз бывали четко отмерены. По службе она всегда считалась безупречной и безотказной, как оружие старой, проверенной и отработанной марки, доведенное до совершенства доброй сотней модификаций. Никто не видел в ней особенного огня, блеска, инициативы, но ее необыкновенная, фантастическая надежность ценилась высоко.

Потому и карьере Маргарита Бондарь делала ровно, без взлетов и падений, не задерживаясь в чинах, и не прыгая через ступеньку. Она во всем была честна, тверда и спокойна.

– Здравия желаю, господин вице-адмирал. Полковник Бондарь по вашему приказанию прибыла.

Сказано совершенно не по-военному. Не звонко, не быстро, не отрывисто. Напротив, тягуче, тихим голосом, низким грудным контральто, черт побери, каким Господу лучше бы одаривать певиц, а не специалистов по десантно-штурмовым операциям... даже с легкой робостью сказано.

– Марго, не рехнулась ли ты часом? Тренинги эти ваши – опасная штука, приложат разок головкой, тут и конец всей романтике... Заодно со здравым разумением. Садись, старая перечница. Сейчас тебе чаю дадут. Очень хороший чай, адмиральский, ноль синтетики, сплошная натура.

Про тренинги Сомов загнул по собственному опыту. Очень ему хотелось считать себя Мужчиной-с-самой-большой-буквы. Поэтому восемь лет назад он по собственной охоте два-

жды прошел малую штурмовую полосу на Черноожельском полигоне. Дурная голова – она мослам покоя не дает. На кой понадобилась ему эта проклятая форсированная выброска в условиях степного пожара? На кой? За две войны не навоевался, пожелал новых сокровищ духа. Но, как говорится, не все то золото, что выловишь из пруда... Первый проход он сделал, сжав зубы, отбив себе все, что только можно отбить, заработав растяжение в ступне и чуть не обделавшись от ужаса. Второй проход, под кодовым названием «Спелеолог», вроде бы дался чуть легче, и Сомов уверовал в свою звезду. С третьего... кажется, третий называли «Пингвин», то ли какая-то дрянь в том же роде... его сняли с закрытым переломом и обморожением все той же ступни. Плюс легкое сотрясение мозга – как закономерный результат участия в рукопашной. Нет, мало ему тогда было, он бы и на четвертый пошел, но инструктор вышиб его с полигона, лаконично прокомментировав ситуацию: «Води, блин, свои корабли. Мы тут не занимались придурков на салат пускать».

– Как мне к вам теперь обращаться? Мне следует уточнить...

– Марго, да как обращалась, так и обращайся. При посторонних и при подчиненных, понятно, придется по-уставному, не обижайся. А в остальное время – по-всегдашнему.

– Витя? Э? М-м?

– Вот и м-м. Сподобилась, наконец.

Села. Улыбнулась.

А улыбалась сомовская старинная знакомая чудесно. Как вечная девочка. Открыто, застенчиво и с легким оттенком изумления. Скорее всего, ее улыбка сложилась лет в пятнадцать, и с тех пор ничего не прибавила в своем развитии. Оно и хорошо. Развитие улыбки – чаще всего регресс.

– Мы друг друга знаем сто лет, Марго. Я без финтов объясню тебе, для какой мясорубки вытащил твою милость со всей нововладимирской десантно-штурмовой бригадой. Ты знаешь генерал-майора Лусиана?

– Хорхе-Альварес-Мария-Пабло Лусиан, бывший командир 3-й десантно-штурмовой дивизии? Тот, под кем сейчас десантники поискового контингента?

– Другого Лусиана я не знаю. Какого ты мнения о нем?

Сомов отметил тень недовольства на лице Маргариты. Злословить она не любила, вне зависимости от того, о ком.

– Грамотный командир. Самостоятельный. Храбрый. *Очень* храбрый.

«Очень» было явно на грани злословия.

– Верно, Марго. Но мне не нужна храбрость. Мне нужна безупречность. Поэтому десантом он командует еще двое суток. А потом ты примешь у него дела. Кстати, с послезавтрашнего дня ты – генерал-майор. Подумай о том, кого оставить за себя на бригаде. Не знаю, вернешься ли ты.

– Я не хотела бы занять чужое место без причины. Вернее, только потому, что мы с тобой давно знакомы, Виктор.

Она сказала это твердо. И готова была отстаивать Лусиана до последней крайности. «Вот уж чего так не хватало моей гвардейской команде...» – устало подумал Сомов.

Тем временем ординарец принес чай в стаканах с магнитными подстаканниками, кружочки лимона на блюдечке и чернослив в конфетнице. Молчал Сомов, подавливая ложечкой лимон о бортик стакана. Он слишком хорошо знал характер полковницы, а потому, не торопясь, обдумывал продолжение разговора. Молчала и Маргарита, изготавившись к обороне. Сомова она тоже изучила совсем неплохо и ждала неизбежного продолжения.

Вице-адмирал вздохнул. Ох, как ему не нравилась перспектива таранить стену ее молчания...

Так сидели, не глядя друг на друга два очень разных человека.

Он – худой, невысокий, спортивного покроя. И лицо такое же, спортивное, точь-в-точь как у победителя в навороченном экстремальном турнире, вставшего на пьедестал и думающего о двух вещах одновременно: во-первых, как бы поскорее привести дыхание в норму – все-таки выложился сегодня на двести процентов... во-вторых, что жена потом непременно скажет, мол, жеребья у тебя, милый улыбка, точно-точно, жеребья, ну просто сил нет... а какая же она жеребья? – она счастливая. Когда-то, лет десять назад Сомова всюду считали своим парнем, веселым бодрячком. С тех пор он малость отяжелел: складки вертикальные на лбу прорезались, да и вся бодрость – по глазам что ли ее вычитывали? – из «чемпионской» превратилась в тренерскую... Одним словом, правильное лицо... крупной лепки. Подбородок тяжеловат, зато скулы упрямые и дерзкие. Впрочем, упрямства в Сомове было вообще много, и оно с недюжинным бесстыдством проступало во всем его облике. Что там скулы! Тут и упрямо сжатые губы, и глаза с ироничным прищуром упряма по природе, и волосы, упрямо лезущие на лоб. Волосы он, сто лет как военный человек, не умел смирать. Супруга оценивала стиль сомовской прически во все сезоны одним словом: «партизанщина». И, верно, он заботился лишь о том, чтобы вовремя стричь светло-русый газон и зачесывать его назад, а дальше каждой травинке предоставлялось право партизанить, как ей вздумается... Сомов, вечно подтянутый и аккуратный, выбритый до ледяной гладкости, на голове своей пестовал живописный романтизм.

Она – с комплекцией штангиста, убийственными кулаками, тяжкая, мощная, настоящая йотунша, но ничуть оттого не медлительная и напрочь лишённая неуклюжести. Ее тело было слишком тренированным, чтобы неуклюжести оставлена была хотя бы тень шанса... А лицо как будто отнято у другого человека – нежного, ранимого, с тонко организованной душевной конструкцией, – и по ошибке приставлено к телу профессионального громилы. Высокий лоб, пухлые маленькие губы, взгляд... обращен куда-то внутрь, словно госпожа полковница рассматривает собственные мысли и не смеет оторваться от их полноводного потока ради пестрой суеты мира... длинные, фантастически длинные ресницы, на зависть всем тем, кому приходится удлинять их специально, призвав на помощь опытных косметологов, и – короткие каштановые волосы, густые, шелковистые, ни на вершок не преступающие лаконичную моду штурмовых стрижек. Она не была красавицей, но от нее исходило обаяние ясной, спокойной силы.

Маргарита Бондарь любила честность и ясность. С ее точки зрения, порядочный человек это прежде всего прозрачный человек. Зачем ему темнить? Зачем окружать себя тайнами и недоговоренностями, если он добр и честен? Другое дело, что у любого могут быть слабости, и слабости эти следует преодолевать ожесточением воли. Собственно, Марго всю жизнь преодолевала собственные слабости. В основном – мнимые. Какой-то воздыхатель больше двух десятилетий назад вбил ей в голову, будто она ужасно нерешительна и даже труслива... Марго за три года превратила себя в образцового сержанта штурмовиков. Другой осел вякнул ей: мол, девочка, начальник из тебя никакой, склад характера не тот... И девочка сделала карьеру, ненужную и счастья не принесшую, искренне считая, что если не можешь чего-нибудь, то надо себя заставить, «закалить булат», и все получится. Вот, заставила... В госпоже полковнице умер гениальный детсадовский воспитатель – так считал Сомов, – и родился лучший штурмовой комбриг на Terre. Такое сплошь и рядом случается у людей ее склада. Сомов никогда не мог понять их до конца, но спинным мозгом чувствовал: надежная, работающая порода; любить таких трудно, уж очень многого они от тебя требуют; зато и не продадут никогда...

Марго была для Сомова тем, кем он сам был для Маслова. Инструментом высшего класса. Но еще и другом или почти другом... После того, как они вылезли из самого пекла на Зеркальном плато, это «почти» истончилось до ничтожных величин, которыми не зазорно

пренебречь... Когда грянет решающий этап поисковой операции, Марго станет его правой рукой. Станет. Иначе и быть не может.

Итак...

– Последние несколько суток я очень часто говорил: «Это приказ». И я был прав. Сейчас я имею право... да черт подери, я просто обязан сказать те же слова...

Глаза у адмиральской собеседницы начали стекленеть от бешенства, и Сомов поторопился с продолжением:

– Но я не отдам такого распоряжения, пока ты сама не согласишься.

Маргарита медленно кивнула: мол, валяй, слушаю.

– Так вот. Первое: он уйдет на повышение. В штаб десантно-штурмовых сил.

В ответ полковница лишь брезгливо прищурилась. Мол, худая карьера – боевого командира в штабные сидельцы. Вряд ли парень будет в восторге.

– Что ты тут гримасы мне строишь! Нашелся же пентюх, назначивший этого петуха комкором поисковых штурмовиков... За его дурь Лусиан расплачивается! За его, Марго, за его!

Женщина пожала плечами. Понятно, за штабных пентюхов она не отвечает, и по их вине мараться ей неохота. Сомов понял: заходить надо было совсем с другого конца.

– Хорошо. Вот тебе во-вторых. В двадцать втором и двадцать третьем годах ты в чине сержанта стажировалась на Русской Европе и участвовала в двух инцидентах: подавление мятежа индонезийских гастарбайтеров и ликвидация незаконной аравийской колонии на Рее. Так? В двадцать пятом ходила со мной в глубокие рейды на «Бентесинко ди майо» – против тех же новых арабов. Уже как старшина. В двадцать шестом участвовала в ликвидации женевского десантного корпуса на Терре. И ведь крепко участвовала: тебя ж тогда в офицерское училище приняли без экзаменов. В тридцать шестом штурмовала Зеркальное плато на Совершенстве. Ты тогда была уже майоршей... и я точно помню: именно твой батальон первым ворвался на космодром «Гермес». Плюс две спасательные операции. Я ничего не забыл?

– Почти. Кое-чего даже тебе знать не положено.

– О том, как мы в двадцать первом помогли Латинскому союзу? И о том, сколько оттуда извещений о смерти пришло? Я и не знаю. Неважно. Марго, суть вот в чем: я читал личное дело генерал-майора Лусиана, а ты нет. И там, в этом самом деле нет ни единой пометки об участии в боевых действиях. Ни единой, Марго! Вообще ничего рискованнее общих российско – терранских маневров... Это на маневрах он действовал, как истинный храбрец. Еще за ним числится эвакуация города Алая Долина на Южном континенте – когда там заподозрили вторую пандемию трясучей лихорадки, да Бог милостив, обошлось. Все. Все, Маргарита!

– Это не значит, что он плох, Виктор...

По голосу ее Сомов понял: подалась, подалась! Надо только доделать дело.

– Марго, я тебе не о всей Терре скажу, и не о всем континенте. Я тебе скажу о твоей собственной бригаде. Если их поведет вниз человек, не нюхавший порошу, скорее всего, он положит больше народу, чем командир с опытом. Подумай о своих людях, Марго.

– Я не знаю, Виктор... Я не знаю... Как-то это все же нехорошо...

Сомов отлично понимал: Марго будет колебаться бесконечно долго, если ее сейчас отпустить и оставить наедине с размышлениями на тему что правильнее и что честнее. Этого он допускать не собирался.

– Вспомни лица своих ребят, ты, живая костедробилка! Вспомни, и скажи, кто из нас прав.

Бригаду она приняла год назад и, по ее характеру, непременно успела полюбить тамошних чудовищных охламонов.

– Ладно, уговорил. Хоть и не нравится мне все это...

Такова была этика штурмовицы: если нечто важно *для дела*, значит, все остальное менее важно, в том числе ее собственные желания и предпочтения...

Они помолчали, сосредоточенно тестируя чернослив.

– Ты помнишь, Марго, как *это было*? Меня тогда пробрало страхом до самых печенок...

Она вновь заулыбалась. Конечно. Самое неприятное миновало, а о десанте на Зеркальное плато Маргарита могла вспоминать бесконечно. Никогда Сомов не видел, чтобы она хвасталась собственными подвигами, способностями, да чем угодно. И только один раз он застал ее в баре, на том градусе пьянства, когда человек чувствует себя совершенно просветленным, мало того, вынырнувшим из куц нирваны, дабы учить малых сих тому же, и в течение блаженного часа или двух (смотря какой у кого технический ресурс) играет роль бодхисаттвы белой горячки; так вот, Маргарита Бондарь не проповедовала о вечных ценностях запоя, она безудержно гнала волну о том, сколько геройства ей понадобилось, чтобы... дальше строилась хаотичная серия нецензурщины, причем по некоторым косвенным признакам сведущий человек мог бы сделать вывод: речь идет об операции на Совершенстве, в районе Зеркального плато. Она тогда заливалась соловьем, пока не въехала в бессловесное состояние, но и тогда глаза ее источали истинное счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.